

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

Москва, Кузнецкий м., 7. Телефоны: { Редакция 2-80-42.
Конторы 1-23-99.

Подписная цена на год 11 р. 50 к.
" " полгода 6 р. — к.
Для "судработников" при подписке на год 8 р. 50 к.
" " при подписке на полгода. 4 р. 80 к.

№ 17

2 мая 1926 года.

№ 17

Договоры о рабочем кредите.

За последнее время участились случаи предъявления исков к фабрично-заводским и т. п. комитетам о взыскании задолженности по заключенным последними договорам «рабочего кредита». В тех случаях, когда такие договоры были обеспечены поручительством администрации того учреждения или предприятия, рабочие которого пользовались кредитом, соответствующее учреждение или предприятие привлекается в качестве соответчика по иску предприятия, оказывавшего кредит. Учесть всю практику судов первой инстанции по этому вопросу трудно, но в Верховный Суд РСФСР поступил ряд кассационных жалоб предприятий, оказывавших кредит, на решения губсудов, отказавших им в иске как против фабзавкомов, так и против гос. учреждений, выдававших гарантийные письма. Из этих решений видно, что для судов самый вопрос о праве фабзавкомов заключать договоры не представляется совершенно ясным, но что вместе с тем суды не считают возможным удовлетворить подобные иски, основываясь на недостатках самих договоров о рабочем кредите. Центр тяжести лежит в вопросе о том, имеют ли право фабрично-заводские, местные и т. п. комитеты работников в предприятиях и учреждениях заключать договоры и вообще являются ли они юридическими лицами, а затем в вопросе о том, имеют ли право гос. учреждения и гос. предприятия обязываться поручительством за своих рабочих и служащих и принимать на себя имущественную ответственность по заключенным последними в своих интересах договорам?

С нашей точки зрения оба эти вопроса решаются отрицательно. Обращаясь к первому из них, мы должны отметить, что вопрос о юридической природе фабзавместкомов уже дебатировался на страницах «Еж. Сов. Юст.»¹⁾, при чем доводы единственного защитника юридической личности фабзавместкомов, В. Блюменау, были с полной основательностью опровергнуты обоими другими авторами. Однако, после всех этих статей были опубли-

кованы: одно определение ГКК Верховного Суда РСФСР и одно разъяснение III Отдела НКЮ, которые дали повод к положительному разрешению вопроса о праве фабзавместкомов заключать договоры, подобные вышеприведенному, и поэтому нам приходится детальнее осветить этот вопрос.

Определение ГКК от 24 февраля 1925 г. по делу № 34320 («Е. С. Ю.» 1925 г. № 22) содержит два принципиальных положения по рассматриваемому нами первому вопросу: «...2. ...хотя ст.ст. 156 и 158 Код. зак. о труде завкомом и месткомом не предоставлено права вступать в договорные обязательства, однако, по роду их деятельности, сводящейся к представительству и защите рабочих и служащих, ими объединяемых, в интересах последних завкомом нередко, как и в данном случае²⁾, приходится вступать в договорные обязательства, что в подобных случаях при рассмотрении вопросов о действительности таких договоров следует исходить не только из формальных соображений, но обсуждать таковые договоры в связи с конкретными фактическими обстоятельствами данного случая. Поскольку же в данном случае договорные обязательства истцами были выполнены и дрова были доставлены, настоящий спор касался лишь расчетов, учитывая же при этом, что сторонами в договорах являются частные лица, что цели, противной закону при заключении указанных договоров, а равно и обхода законов или направления сделки к явному ущербу для государства, судом не установлено, как равно и не установлено, что завком при заключении договора находился в таком состоянии, при котором не мог понимать значения своих действий, в виду чего применение судом 30 и 31 ст. ст. ГЕ не имело достаточных оснований. 3. Поскольку завком вступил в договорные отношения и по договору все предусмотренное получил, постольку сторона, исполнившая обязательство по договору, имеет право предъявить иск к завкому, и последний обязан отвечать

¹⁾ См. соответствующие статьи — «Е. С. Ю.» 1925 г., №№ 14, 18, 19.

²⁾ Дело шло о покупке завкомом дров для нужд рабочих Ленинградского металлического завода.

по договору, тем более, что завком имеет средства (процентное отчисление), пределами коих в порядке исполнения решений против завкома ограничивается его ответственность, а, в свою очередь, завком, ответственный по суду за обязательства по договорам, может требовать с завода, если в результате исполнения договора последний извлечет выгоду, или с рабочих, если договор был заключен в их интересах. Отдельные же члены завкома, подписавшие договор, могут отвечать лишь в уголовном порядке, но отнюдь не в порядке гражданском, так как означенный договор был заключен не в интересах отдельных членов завкома».

Что же касается раз'яснения III Отдела НКЮ РСФСР от 12 июня 1924 г., № 762, данного по запросу НКТ РСФСР, то здесь приходится, прежде всего, оговорить, что подлинный текст раз'яснения расходится в интересующем нас вопросе с текстом, появившимся в печати¹⁾, так как в последнем тексте выпало упоминание о фабзавкомках. Поскольку в практике известны оба текста, мы считаем нужным остановить внимание именно на подлинном тексте раз'яснения.

Исходя из того, что декрет ВЦИК и СНК от 3 авг. 1922 г. о порядке учреждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, указывает на особый порядок утверждения и регистрации проф. организаций, объединенных ВЦСПС, раз'яснение делает вывод, что «следовательно профессиональные организации, зарегистрировавшиеся в органах ВЦСПС, а равно и самые органы ВЦСПС (губотделы профсоюзов, упробюро, месткомы, завкомы, фабкомы, рудкомы и т. п.), не нуждаются в каком-либо дальнейшем дополнительном оформлении для того, чтобы стать юридическим лицом. Правоспособность юридического лица возникает с момента его регистрации (ст. 14 ГК)». Далее, излагая ст. 154 Код. зак. о труде, раз'яснение указывает, что круг прав профсоюза (организации) формально очерчен в тех же выражениях, как и всякого другого юридического лица, и что эти выражения имеют настолько широкий смысл, что в них может быть вложено любое конкретное содержание. Однако, дальше сделана оговорка, что юридическое лицо имеет ограниченную (специальную) правоспособность в отличие от физического лица, имеющего общую правоспособность, и конечный вывод о пределах правоспособности профсоюзов и их органов сделан следующий: «Профессиональные организации и союзы, как разновидности юридических лиц, правоспособны только в пределах осуществления поставленной им цели, и не вправе осуществлять задачи, им несвойственные, например, учреждать промышленные и торговые предприятия с целью извлечения коммерческой прибыли. Поэтому в пределах осуществления специальной цели, в сфере специальной деятельности губотделы профсоюзов, упробюро, месткомы, завкомы, фабкомы, рудкомы и т. п. должны признаваться юридическими лицами, способными быть субъектами прав и обязанностей».

Мы считаем выводы обоих актов (определения ГKK и раз'яснения НКЮ) и их мотивировку неправильными по следующим соображениям.

Кодекс зак. о труде, дающий основы правового нормирования деятельности профсоюзов и их органов в предприятиях, учреждениях и т. п., не случайно говорит отдельно о профсоюзах, как таковых, и отдельно о их первичных органах. Это видно из сопоставления текстов

ст.ст. 151—154 и ст.ст. 156—158. Права юридического лица предоставлены по ст. 154 только профсоюзам и межсоюзным объединениям, а отнюдь не первичным органам, так как в ст. 157, говорящей о правах этих первичных органов (фабзавкомов, месткомов, постройкомов, рудкомов, рабочкомов и т. п. комитетов работников на предприятиях, в учреждениях и хозяйствах) нет ссылки на ст. 154, а напротив, имеется ссылка на специальные ст.ст. 158—160, где очерчен круг прав комитетов, и нет ни одного слова о праве комитета заключать договоры, приобретать имущество и т. д. Комитеты не имеют права заключать даже коллективные договоры, так как ст. 15 Код. зак. о труде, определяя кол. договор, как соглашение, заключаемое профсоюзом, делает в скобках ссылку лишь на ст.ст. 152 и 153 Код. зак. о труде, но не на ст. 156.

Если мы обратимся к положению о фабзавместкомках, утвержденному ВЦСПС, на основании полномочий, предоставленных ему Кодексом зак. о труде, и опубликованному 26 февраля 1925 г.²⁾, то мы увидим, что и там нет ни одного слова о праве фабзавместкомов выступать в качестве самостоятельного юридического лица. Содержание комитета определяется по смете, утвержденной соответствующим профсоюзом (средства по ст. 162 Код. зак. о труде отпускаются в пределах сметы предприятием в размере не свыше 2% всей зарплаты рабочих и служащих). По ст. 163 Код. зак. о труде расходование этих процентных отчислений, отпускаемых комитетам по смете, не может производиться ни на какие другие нужды, кроме прямого их назначения. Это назначение — содержание комитета (расходы по оплате его членов, освобожденных от работы в производстве, по оплате технических работников, по покупке канцелярских принадлежностей и т. п.). Ником образом в понятие содержания комитета не может входить авасирование работников данного учреждения или предприятия по рабочему кредиту, подписке для них на газеты и т. д. Поэтому-то и неправильно приведенное выше определение ГKK от 24 февраля 1925 г., которое говорит, что «завком имеет свои средства (процентное отчисление), пределами коих в порядке исполнения решений против завкома ограничивается его ответственность». Это не хозяйственное предприятие, не товарищество с ограниченной ответственностью, а первичный орган профсоюза, действующий в строго ограниченных рамках, не предусматривающих хозяйственно-посреднической деятельности, и которому к тому же запрещено законом расходовать вверенные ему суммы на какие-либо нужды, кроме их прямого назначения.

Если встать на ту точку зрения, на которую встала ГKK в определении от 24 февраля 1925 г., то получится следующая картина: по договору с завкома присуждено 3.000 руб., допустим, завком получает на свое содержание в месяц 500 руб.; таким образом, в течение шести месяцев, пока задолженность покрыта не будет, завком не будет иметь ни копейки на свои нужды. Кто же будет покрывать эти нужды? Предприятие больше того, что требуется по смете, давать не обязано, профсоюз не обязан содержать завкомы. Откуда же получают свою зарплату ответственные и технические работники завкома. Ведь если бы взыскание было обращено против них лично, то ст. 289 ГПК гарантировала бы им 80% их зар. платы, а в данном случае ст. 289 ГПК неприменима, ибо это юридически обращено не на зарплату. Всякого рода другие специальные законы, обеспечивающие выплату зар.

¹⁾ См. „Гражд. Кодекс РСФСР с постанейно-систематизированными материалами“ под редакцией Александровского. Юрид. Изд. НКЮ РСФСР. I издание 1925 г., стр. 60.

²⁾ „Труд“ 26/II—1925 г. № 47, „Изв. НКТ СССР“ 1925 г. № 15—16; „Действ. зак-во о труде“. 2-е изд. 1925 г. т. 4, стр. 684—687.

платы (при несостоятельности, конфискации и т. п.), также неприменимы, так как ни один из них этого случая не предусматривает. Не создает выхода из положения и рассрочка долга завкомом, если бы таковую суд предоставил, так как если, например, завком уволит за сокращением штата своего технического работника, то соответственно уменьшится и смета, по которой отпускаются деньги на содержание завкома.

Неправилен и тот довод ГКК в указанном определении, что «по роду своей деятельности, сводящейся к представительству и защите рабочих и служащих, ими объединяемых, завкомом нередко приходится вступать в договорные обязательства». Здесь смешано понятие общественного представительства с представительством в гражданско-правовом смысле. То представительство, которое возложено на фабзавместкомы ст. 168 Код. зак. о труде, имеет своим назначением отстаивание классовых интересов трудящихся по найму перед нанимателями, перед правительственными и общественными организациями, и оно не имеет никакой хозяйственной окраски. Завком на этом основании имеет право вести с хозорганами переговоры о предоставлении рабочим кредита, об облегчении условий этого кредита и т. д., но обязываться за рабочих заключать договоры в их пользу с принятием на себя ответственности по этим договорам он не имеет права. Возможен случай, что рабочие доверят членам завкома заключить договор о кредите, но это должен быть договор от имени желающих пользоваться кредитом, и на такую доверенность должны распространяться общие правила Гр. Кодекса о доверенности и о последствиях, вытекающих из заключения договора поверенным. Если такой договор не будет выполнен доверителями, то взыскание должно быть обращено против них (возможно установление в договоре солидарной ответственности всех их); если поверенные превысят свои полномочия, ответят они лично. Но ни в том, ни в другом случае завком, как орган профсоюза, отвечать не будет.

Наш вывод таков: ст. 154 Код. зак. о труде на фабзавместкомы не распространяются, прав юридического лица они не имеют, а следовательно, не могут обязываться и отвечать по договорам. Это с точки зрения действующего законодательства, но если мы обратимся к материалам по пересмотру Кодекса зак. о труде, то мы увидим, что и по новому проекту не предполагается предоставлять фабзавместкомам прав юридического лица. Во всяком случае, руководитель профессионального движения в СССР — ВЦСПС — категорически высказывается против предоставления комитетам этих прав, и целый ряд съездов профсоюзов высказался не менее категорически против хозяйственного уклона комитетов, считая, что это только вредит выполнению ими основных задач.

Переходя ко второму вопросу о праве гос. учреждений и предприятий выступать в качестве поручителей по договорам о рабочем кредите, мы должны остановиться на следующем:

а) Правоспособность юридического лица в отличие от правоспособности физических лиц строго ограничена пределами поставленной им цели. Кажется, это утверждение бесспорно. Однако, нам все-таки придется привести ряд доказательств в подтверждение этого положения, в виду того, что по интересующему нас вопросу дано опять-таки разъяснение III Отдела НКЮ, которое не отвергает тезиса об ограниченной правоспособности юридических лиц, но как-будто забывает об этом. Разъяснение было дано III Отделом Всесоюзному Синдикату швейной промышленности 31 декабря 1924 года за

№ 1496 ¹⁾ по вопросу о том, имеют ли право госучреждения, состоящие на госбюджете, выдавать векселя в обеспечение уплаты служащими и рабочими обязательств по рабочему кредиту? Оно гласит следующее: «1. В положении о векселях не содержится каких-либо указаний, что некоторые категории юридических лиц, уполномоченных приобретать права по имуществу, вступать в обязательства, искать и отвечать на суде (ст. 13 Гр. Код. РСФСР), лишены права выдавать векселя. Поэтому все госучреждения, имеющие право вступать в обязательства, не лишены права выдавать гарантийные векселя или письма за своих рабочих и служащих, пользующихся рабочим кредитом. 2. Различие между госучреждением, переведенным на хозрасчет, и госучреждением, состоящим на госбюджете, существует не в объеме прав на выдачу обязательств, а в порядке взыскания с них по этим обязательствам; согласно ст. 286 Гр. Проц. Код. на имущество, принадлежащее госучреждению, находящемуся на госбюджете, взыскание не обращается, по в случае неплатежа взыскателю предоставляется право выдачи жалобы». Итак, из положения о векселях выводится право госучреждений выдавать не только векселя, но и гарантийные письма за рабочих и служащих, затем признается за всеми госучреждениями неограниченное право вступать в обязательства, и только оговаривается, что основного гражданско-правового эффекта в случае неисполнения обязательства госбюджетным учреждением, т. е. обращения взыскания на имущество последнего, быть не может. Слон остался незамеченным: вопрос о цели, преследуемой юридическим лицом, и о соответствии всех заключаемых им сделок этой цели, обойден молчанием, хотя в том разъяснении III Отдела, которое мы приводили выше (от 12 июня 1924 г. № 762 по запросу НКЮ) подчеркивалось, что юридические лица имеют ограниченную правоспособность, и не вправе осуществлять задачи, им несвойственные. И если в ст.ст. 13—14 Гр. Кодекса нет прямого указания на связанность юридического лица поставленной им целью, то только потому, что это с непреложной ясностью вытекает из самого понятия юридического лица; в 18 же статье ГК это подтверждено тем постановлением закона, что уклонение юридического лица от его цели может повлечь за собой прекращение деятельности данного юридического лица.

б) Какова же правоспособность гос. учреждений и предприятий, находящихся на хозрасчете? Она определяется целью, предусмотренной соответствующими уставами и положениями, и, кроме того, ограничивается специальными законами (ст.ст. 14 и 16 Гр. Код. и приложение 3 к ГК — декрет СНК о мерах к урегулированию торговых операций гос. учреждений и предприятий). Возьмем устав любого треста, и мы увидим там в «общих положениях» указание, что для осуществления своих целей трест имеет право делать то-то и то-то. Дальше, в главе о средствах треста мы найдем указание, что «трест владеет, пользуется и распоряжается предоставленным ему имуществом для осуществления своих хозяйственных торгово-промышленных задач с целью извлечения прибыли» (см. устав треста «Цупвоз» — «Собр. Зак. СССР», 1925 г., отд. II, № 78, ст. 211). Наконец, в статье о

¹⁾ „Е. С. Ю.“ 1925 г., № 15; „Изв. НКТ СССР“ 1925 г., № 23; „Действ. зак-во о труде“ 2 изд., 1925 г., т. IV, стр. 370.

функциях правления, где говорится и о кредитных операциях, мы найдем следующий пункт: «совершение всякого рода дозволенных законом кредитных и валютных операций, связанных с осуществлением задач, возложенных на трест» (см., как пример, уставы Краснопресненского треста и Ленинградского судостроительного треста — «Собр. Зак. СССР», 1925 г., отд. II, №№ 47 и 65, ст.ст. 117 и 167). Сопоставляя между собой все эти пункты уставов трестов (а они неуклонно повторяются в каждом уставе, различаясь только в редакционном отношении) и обращаясь к вопросу о том, дают ли они право администрации трестов выдавать гарантийные письма по рабочему кредиту, мы должны, конечно, ответить отрицательно. Цель трестов — наиболее рационально в хозяйственном отношении вести производство и извлекать из своих операций коммерческую прибыль, большая часть которой обращается на восстановление и развитие всего нашего социалистического хозяйства. Тратить предоставленное тресту имущество на иные цели, кроме предусмотренных уставом, он не имеет права, как бы хороши эти цели ни были. Рабочее государство всячески идет навстречу рабочим и служащим в смысле улучшения их материального положения, для этого организован и рабочий кредит, но принимать на себя ответственность за выполнение рабочими и служащими обязательств по этому кредиту тресты-наниматели не имеют права, так как вместо извлечения прибыли из своих средств они потерпят убыток. Рабочий и служащий огражден в отношении предъявляемых к нему претензий по обязательствам тем, что с него нельзя взыскать более 20% получаемой им зар. платы. Учреждения, предоставляющие ему кредит, обеспечены тем, что при неуплате рабочим добровольно его задолженности по рабочему кредиту наниматель обязан будет удерживать по исполнительному листу 20% зарплаты и передавать их учреждению-кредитору. Никакого дополнительного обеспечения госпредприятие-наниматель предоставлять не вправе.

Часто приходится встречаться с указанием, что гос. предприятия обязаны отчислять часть прибыли в фонд улучшения быта, и что, де, из этого-то фонда они могут покрывать задолженность рабочих и служащих по рабочему кредиту. Это тоже абсолютно неправильно и противоречит самой цели создания фонда улучшения быта. Последний имеет своим назначением общее улучшение быта (устройство рабочих жилищ, столовых, яслей и т. п.), и порядок его расходования опять-таки строго определен специальными законами и инструкциями¹⁾, ничто не предусматривающими обращения фонда на обеспечение выплат по рабочему кредиту.

в) Если мы обратимся к уставам акц. обществ, в частности банков, то и там мы найдем приблизительно те же формулировки, что и в уставах трестов, т.-е. те же указания, что определенный объем прав предоставляется только для достижения предусмотренной уставом цели, что на правление возлагается совершение всякого рода операций в пределах той же цели и пр. Конечно, в уставах банков есть пункт, что они имеют право открывать

целевые кредиты, но это не значит, что они могут давать своим рабочим и служащим деньги на покупку предметов домашнего обихода или принимать на себя ответственность за выполнение рабочими и служащими их обязательств по рабочему кредиту. Целевые кредиты даются, во-первых, под обеспечение, а, во-вторых, из этой операции банк также должен извлекать прибыль, как и из всех других операций. Оба эти условия при выдаче банком гарантийных писем по рабочему кредиту отсутствуют, а, следовательно, эта выдача является противоставной.

г) Если мы решили поставленный выше вопрос отрицательно даже в отношении коммерческих и хозрасчетных предприятий, то за госбюджетными учреждениями, имеющими еще более ограниченную правоспособность, право на выступление поручителем за своих работников и вовсе не может быть признано. Права госбюджетных учреждений строго определены специальными законами и положениями о них, не предусматривающими таких функций, но, помимо этого, госбюджетные учреждения гораздо более связаны в распоряжении предоставленными им средствами, чем хозрасчетные предприятия. Это настолько ясно и всем известно, что останавливаться на этом нет необходимости. Кредиты, отпускаемые по смете, должны расходоваться в точном соответствии с §§ сметы. Если госбюджетное учреждение выдаст гарантийное письмо по рабочему кредиту и потом покроет на основании этого задолженность своих работников, то оно лишится, таким образом, средств на выполнение той или иной функции, возложенной на него законом, и, таким образом, ради частных интересов отдельных лиц не смогут быть осуществлены общегосударственные задачи. Положение явно недопустимое.

Если же признать, как это сделано III Отделом НКЮ в разъяснении от 31 декабря 1924 г., что гарантийное письмо может быть выдано госбюджетным учреждением, но вместо требования уплаты по нему может быть только подана жалоба в вышестоящее учреждение, то спрашивается, какое значение имеет такое гарантийное письмо. Ведь и вышестоящее учреждение связано госбюджетом и тоже не должно покрывать незаконных обязательств. Остается, повидимому, только обращение в СНК с просьбой отпустить специальные средства на покрытие убытков, причиненных неисправностью должников по рабочему кредиту. Но, во-первых, при чем же тут поручительство в том смысле, как его понимает Гр. Кодекс, а во-вторых, и специальные средства отпускаются СНК только в особо исключительных случаях, когда этого требуют общегосударственные интересы. Конечно, если ту или иную местность постигнет стихийное бедствие (неурожай, пожар, наводнение и т. п.), то в числе других долгов пострадавшего населения может быть в порядке специального закона покрыта задолженность рабочих и по кредиту. Но это только мыслимый нами исключительный случай, и не на тем строится организация рабочего кредита и обеспечения покрытия такового.

д) Сказанное о госбюджетных учреждениях относится в равной мере и к учреждениям, состоящим на местном бюджете. Есть местные органы — губернские, окружные, уездные и даже волостные исполкомы — которым предоставлено вести хозяйственную деятельность (сужающуюся пропорционально территориальному охвату) и даже право выдавать векселя¹⁾. Но круг деятельности

¹⁾ См. пост. ЦИК и СНК СССР от 16/V—24 г. и последующие изменения и дополнения к ним, а также инстр. ВЦИПС и ВСНХ, опублик. 4/VI—25 г., о порядке использования и хранения фонда по улучшению быта (все соответствующие постановления и инструкции, изд. до 1/VII—25 г. см. в III и IV томах Действ. зак-ва о труде, 2 изд., 1925 г. В инструкции 4/VI—25 г. (т. IV, стр. 1111) прямо указано, что каждый расход из фонда может быть произведен лишь после согласования хозоргана с профсоюзом, а затем, что свободная от отчисления на жил. строительство часть (25%) ни в коем случае не может быть израсходована на индивидуальную помощь.

¹⁾ См. по общему вопросу о пределах, в которых госбюджетные учреждения имеют право выдавать векселя, статьи Магавинера („Вестн. Сов. Юст.“ 1924 г. № 23) и А. М. „Е. С. Ю.“ 1924 г. № 34), выводы которых аналогичны с приводимыми мною выше.

этих учреждений опять-таки строго ограничен специальными законами, и выдача векселей и гарантийных писем по рабочему кредиту выходит за пределы той цели, ради которой предоставлены соответствующие права исполкомам, и ни одним из специальных законов не предусмотрена, хотя большинство их издано уже в то время, когда рабочий кредит получил широкое распространение (1924 и 1925 г.).

Таким образом, мы определенно считаем, что ни фабзавместкомы (вообще все первичные органы профсоюзов в предприятиях, учреждениях и хозяйствах) не могут заключать договоры о рабочем кредите, ни гос. учреждения и предприятия не имеют права давать гарантии по этим договорам. Заключенные ими договоры недействительны по общему смыслу ст.ст. 30 и 31 ГК. Возникает вопрос, как же быть с тем бесчисленным количеством таких договоров, которые были заключены госторговыми предприятиями за последние годы. Нам скажут, что отказ в иске Мосторгу, Мосшвее, Сидишвейпрому и пр. принесет многомиллионные убытки гос. казне, в которую в конечном счете должна была поступить прибыль по этим договорам, а вместо прибыли получился громадный убыток. Но не надо забывать, что перед нами не единый договор, а ряд договоров. К сожалению, за недостатком места, мы не можем остановиться подробно на вопросе о природе договора о рабочем кредите, но, во всяком случае, ясно, что этот договор не договор купли-продажи, а предварительный договор о предоставлении в будущем кредита по тем сделкам, которые будут заключены непосредственно самими рабочими и служащими с соответствующим торговым предприятием. До момента заключения каждым из работников договора купли-продажи налицо только предварительный договор в пользу третьих лиц (ср. ст. 140 ГК); поскольку этот договор недействителен, постольку, конечно, и третьи лица не приобретают по нему прав. Но это положение имеет значение только с момента вступления этих третьих лиц в самостоятельные договоры с продавцом. Те рабочие и служащие, которые приобрели вещи хотя бы в соответствии с недействительными договорами, заключенными продавцом с завкомом, являются самостоятельно обязанными перед продавцом, с которым их связал не этот предварительный договор, а индивидуальный договор купли-продажи. У торговых предприятий, заключавших договоры рабочего кредита, имеются списки тех лиц, которым они продавали товары, эти списки имеются и в фабзавместкомах и могут быть проверены по спискам учреждений, где служили в то время воспользовавшиеся кредитом лица. К этим лицам и должны быть предъявлены иски о покрытии задолженности, которые могут быть объединены по группам истцов в одном произ-

водстве (ст. 173 ГПК). Суды в порядке ст.ст. 5 и 118 ГПК должны оказывать всемерное содействие к выяснению всех вопросов, возникающих при рассмотрении этих исков. Таким путем, большая часть задолженности будет взыскана с тех трудящихся, которые сплошь и рядом по небрежности не выполняют своих обязательств по рабочему кредиту. Жалобы на то, что не с кого и нечего получить, по большей части неосновательны. Основная масса рабочих и служащих не путешествует из города в город, а если и переходит из учреждения или предприятия на новое место службы, то при желании узнать это новое место очень легко. Не даром практика судебных исполнителей показывает, что всего легче взыскать по исполнительным листам именно с рабочих и служащих, гораздо легче чем с лиц свободных профессий и торговцев. 20% зар. платы, которые разрешается взыскать в порядке ст. 289 ГПК, вовсе не такая маленькая сумма для претензий по рабочему кредиту, которые в большинстве случаев не превышали месячного, реже двухмесячного заработка. Известный же процент задолженности, которую не удастся покрыть, учитывался при заключении договоров по рабочему кредиту и по существу покрыт тем, что в порядке рабочего кредита были проданы товары, вовсе не рассчитанные на легкий сбыт (принудительный ассортимент).

Заканчивая нашу статью, мы должны сказать, что вопрос о рабочем кредите не ограничивается поставленными нами отдельными вопросами по поводу ранее заключенных договоров. Необходимо этот вопрос разрешить во всей его широте, так как договоры продолжают заключаться, принимают несколько иные формы, но нет никаких законоположений или хотя бы инструкций о порядке предоставления этого кредита; отсутствие их и вызывает договоры, подобные приведенному нами в начале статьи, ведет к разному в судебной практике, наносит ущерб хозяйству и т. д. Около года тому назад в Наркомвнуторге РСФСР был поднят вопрос о реорганизации рабочего кредита, было несколько совещаний по нему с участием представителей НКТ, НК РКИ, НКФ, ВЦПС, ВСНХ и крупнейших кооперативных организаций, на которых был выработан проект постановления ЭКОСО РСФСР, в котором предусмотрена замена коллективного кредитования личными заявлениями желающих кредитоваться с предоставлением ими самими достаточных гарантий и внесением авансов ими лично, улучшение техники кредитования, предоставление банковского кредита и пр. Но пока этот проект осуществления не получил, а, между тем, в издании подобного акта ощущается жизненная необходимость.

Е. Данилова.

Изменение договоров судом.

(По поводу одного решения германского рейхсгерихта *)

Одним из краеугольных камней современного обязательственного права является начало незыблемости заключенных договоров. *Pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться!). Пусть лучше пострадают единичные интересы контрагентов, даже целых групп контрагентов, чем хотя бы отчасти будет поколеблена твердость заключенных договоров, ибо посягательство на прочность договоров ставит под вопрос самое существование устой-

чивого правопорядка и отнимает у граждан уверенность в правовой обеспеченности и силе приобретенных прав! Так на протяжении поколений учила юридическая наука, вырабатывая доктрину о «правовом государстве», где мирно господствуют «общечеловеческие», «надклассовые» законы, тщательно и неуклонно охраняя сложившиеся правовые отношения.

Роль суда, отделенного от законодательных функций, призванного содействовать осуществлению того права, которое запечатлено в законах, вырисовалась с полной

*) Рейхсгерихт—высшая суд. инстанция Германии.

отчетливостью из самого положения суда в «правовом государстве». Его роль—подводить конкретные обстоятельства под родовые правовые нормы. Такое автоматизирование юстиции, представлявшееся для одних злом, а для других идеалом, подверглось жестокой критике еще в передовых учениях довоенной европейской литературы, справедливо доказывавших уродливость и неизбежность подобного «механизированного» представления об отправлении правосудия. Однако, подлинной школой жизненной мудрости оказалась мировая война, которая безжалостно расшатала устои капиталистического хозяйства, властно поставила перед буржуазным обществом на очередь требование коренной ревизии и ломки правовых положений, казавшихся еще недавно столь прочными и устойчивыми.

Одним из таких правовых положений, которые под тяжестью разрушившихся хозяйственных отношений дали глубокие трещины, оказался принцип гражданского права о пезыблемости заключенных договоров.

Какова должна быть судьба срочных имущественных договоров, исполнение которых вследствие резко и непредвиденно изменившейся хозяйственной конъюнктуры делается для одной из сторон чрезмерно тягостным и разорительным. Надлежит ли и здесь, во имя идеи сохранения силы договоров и устойчивости сложившихся правоотношений, требовать до конца неукоснительного выполнения договора или же следует пожертвовать отвлеченной идеей, чтобы предотвратить непомерный и имущественный ущерб одной из сторон и незаслуженное обогащение другой стороны.

Не сразу и не без сопротивления сдала свои позиции немецкая юстиция. Уже в эпоху войны высший судебный орган рейхсгерихт преподносит разъяснение: «Судья не наделен властью уравнивать притязания сторон с целью смягчения причиненных войной затруднений».

И в течение долгого времени, не взирая на все более ухудшавшееся экономическое положение страны, непомерное повышение стоимости товаров и падение курса марки, суд проводил одну и ту же линию: «договоры должны соблюдаться».

Но хозяйственная необходимость сломила в конце концов силу судебной инерции и закостеневшей юридической идеологии. Наступил момент, когда обесценение марки достигло таких пределов, что дальше базироваться на бумажной ценности, в которой выражались обязательства, игнорируя реальную ценность таковых, сделалось окончательно и решительно невозможным. Решение, которое игнорировало бы эти факты суровой действительности, превратилось бы в насмешку над правосудием.

Поворот в курсе юстиции обозначился в трех направлениях: во-первых, в предоставлении сторонам, обязательства, которых выражались в бумажных деньгах, права отступить от договора, в виду «коммерческой невозможности» выполнения такового (здесь вопрос сводился к истолкованию понятия «невозможность», предусмотренного § 325 герм. гражд. улож.); во-вторых, в введении пересчета на золото притязаний в бумажной валюте (возникающим отсюда путанным вопросам посвящены новейшие специальные законы); наконец, в-третьих, суду предоставляется право изменять существующие договоры.

Последний способ приспособления права к потребностям жизни представляется наиболее интересным и существенным, ибо здесь опрокидывается искони сложившееся в юридической науке представление о суде, как органе, исключительно защищающем существующие, оформленные

права. Суд здесь вторгается в сложившиеся правовые отношения независимо от воли сторон, устанавливает новый объем и содержание их взаимных притязаний, принимает на себя функции изменения гражданских субъективных прав. Неудивительно, что решение рейсгерихта, в котором это положение было провозглашено с полной отчетливостью и решительностью, вызвало бурную полемику на страницах печати, заставившую скрестить копы упорных сторонников старой идеологии с юристами, не побоявшимися вместе с рейсгерихтом порвать с привычными представлениями о роли и полномочиях суда и последовать за требованиями жизни. Фактические обстоятельства этого дела, которое является некоторым образом «историческим» в летописях новейшей немецкой гражданской юстиции, таковы: истец сдал ответчику в 1912 г. помещение для конторы, сроком по 1 апреля 1915 г. Однако, договор продолжал действовать до конца 1920 г., так как ответчик воспользовался предоставленным ему в договоре правом продления договора еще на 5 лет. Согласно этому договору, ответчику предоставлено было право пользоваться водяным паром от отопления для промышленных целей. Вследствие происшедших со времени заключения договора существенных изменений в ценах на уголь и рабочие руки, истец просит присудить с ответчика за время с 1 сентября 1917 г. до конца июля 1919 г. доплату к установленному договором вознаграждению. В дополнительном заявлении истец просит установить, что договор о предоставлении пара является уничтоженным, либо что на будущее время пар должен отпускатся по рыночным ценам.

Первая и вторая инстанции отклонили иск. Рейсгерихт отменил решение и направил дело для нового рассмотрения по существу. Основные аргументы рейсгерихта сводятся к следующему. Притязание истца представляется с точки зрения института оговорки о неизменных фактических обстоятельствах основательным. Уже в других решениях рейсгерихт за годы войны признал, что ходатайство одной из сторон о расторжении договора подлежит удовлетворению, если она не в состоянии выполнить договор в виду изменившихся обстоятельств. Законное обоснование для этого дают §§ 242 (157) и 325 герм. гражд. улож.¹⁾ Поскольку согласно § 242 (157) герм. гр. улож. как обязанность должника на выполнение, так и право кредитора на требование выполнения должны быть подчинены началам добросовестности, то с этой точки зрения, отпадает обязанность исполнения договора и право на это исполнение, поскольку, вследствие полного изменения обстоятельств, хозяйственное содержание договорного исполнения сделалось совершенно иным, нежели это было раньше задумано и намечено обеими сторонами. Если же в § 325 герм. гражд. улож. под невозможностью разуметь не только фактическую, но и хозяйственную невозможность, то этим самым явно обнаруживается действие названного института. В предшествующих случаях одна из сторон требовала в силу изменившихся обстоятельств расторжения всего договора. В настоящем же деле речь идет о том, что обе стороны продлили договор, и теперь одна из них, а именно истец, притязает при сохранении действия договора на повышение встречного исполнения минимальным, в виду того, что его собственное исполнение вследствие полного изменения всех хозяйственных отношений,

¹⁾ §§ 157 и 242 герм. гражд. улож. устанавливают, что исполнение и толкование договоров должно происходить так, как этого требуют добросовестность, в связи с добрыми обычаями оборота. § 325 герм. гр. улож. предусматривает последствия наступившей невозможности выполнения двухстороннего договора.

сделалось совершенно иным, нежели это предполагалось при заключении договора; неизменное встречное отношение (т.-е. платеж) находилось бы к основному исполнению должника в невыносимом противоречии, вследствие чего начала добропорядочности требуют изменения встречного исполнения. Учитывать непреложные потребности жизни и руководствоваться опытом жизни—это первая задача суда.

Взгляд рейхсгерихта, высказывавшийся в прежних решениях в противоположном смысле, не может быть теперь сохранен. Взгляд этот остался позади, если принять во внимание тот опыт, который рейхсгерихт приобрел во время войны, и в особенности вследствие ее исхода и связанного с ним переворота во всех хозяйственных отношениях. Эти последние решительно требуют вмешательства судьи в существующие договоры, если в противном случае создается невыносимое положение. Поскольку с точки зрения герм. гражд. улож. в подобных случаях оправдывается даже расторжение всего договора по требованию одной из сторон, по тем более допустимо в договоре, по воле обеих сторон сохраняющем свое действие, изменить одно лишь договорное правоотношение, поскольку этого требует добропорядочность и справедливость. Если одно из обусловленных договором исполнений сделалось вследствие изменившихся обстоятельств экономически невозможным, то в результате возникает в договоре пробел, который, как и всякий пробел в договоре, должен заполнить судья. Однако, для того, чтобы предупредить какие бы то ни было злоупотребления этим началом, необходимо для его применения наличие трех предпосылок. Во-первых, обе стороны должны добровольно продлить договор (случаи принудительного продления не могут быть приняты во внимание). Во-вторых, указанное действие допустимо лишь в отношении таких исключительных случаев новобразований, как вызванные войной. Недостаточно, чтобы последующее изменение отношений нельзя было предвидеть. В-третьих, должно быть произведено примирение обоюдных интересов. Изменение не должно вводиться в интересах того, кто вследствие новых обстоятельств страдает от продления договора, а при этом должны быть приняты во внимание также и интересы стороны, которой в дальнейшем придется произвести большее или иное исполнение. На нее не должны быть возложены все невыгодные последствия, в связи с чем в дальнейшем положение оказалось бы для нее невыносимым и противоречащим справедливости. Напротив, убытки должны быть распределены соразмерно. Правильно найти такое согласование—это дело опыта судьи и разумной оценки им обстоятельств.

Как уже указано было выше, решение рейхсгерихта вызвало большое волнение в лагере немецких юристов как теоретиков, так и практиков. При этом все высказывавшиеся по поводу этого решения юристы единодушно признают его переломным пунктом в судебной практике. Это решение, отмечает редакция «Juristische Wochenschrift» («Юридический Еженедельник»), имеет руководящее значение, и как для науки, так и для практики представляется чрезвычайно важным¹⁾. Известный ученый проф. Крюкман восклицает: «Итак! Ныне слово отпущения произнесено высшей судебной инстанцией и можно, не рискуя ошибиться, сказать, что этим решением положено начало для дальнейшего развития»²⁾. Адвокат Эрнст Фукс, горячий сторонник социологического направления в правоведении, заявляет: «Здесь идет речь об одном из самых принци-

пиальных и основных решений, которые когда-либо были опубликованы нашей высшей судебной инстанцией»³⁾.

Большой интерес представляют аргументы, которые были выдвинуты за и против точки зрения рейхсгерихта. Сначала дадим слово противникам этого решения.

Генрих Дове⁴⁾ считает, что решение не является надлежащим выполнением широко распространенного и обоснованного желания окончательно установить позицию высшей судебной инстанции к правовым результатам мировой войны и революции с их экономическими последствиями в отношении обязанности договорного исполнения. Неправильно прежде всего отказ от прежней практики рейхсгерихта. Конечно, все изменяется с течением времени, все течет; однако, отсчитывать по календарю страницы этих изменений невозможно. Поэтому решение нарушает необходимую правовую устойчивость. Обоснование воззрения рейхсгерихта на начала добропорядочности, автор считает в корне неправильным. Если право попирает ногами верность договорам обосновывается на добропорядочности, то это стоит в прямом противоречии с самыми элементарными логическими и моральными народными воззрениями.

Исключительные обстоятельства военного и послевоенного времени вызвали образование многочисленных организаций, третейских судов и пр., которые в строго организованных и определенных областях снабжены полномочиями по вмешательству в сложившиеся правовые отношения. Но правосудие должно от этого пути остаться в стороне.

На то же внутреннее противоречие между выводом решения и обоснованием его на начала добропорядочности указывает другой юрист-практик Эдвин Кац⁵⁾. Нарушает верность договору тот продавец, который без особого соглашения уклоняется от исполнения договора. Между тем, верность договору обосновывается началом добропорядочности и считается постоянным свойством немецкого оборота. Рейхсгерихт в своем решении по существу возвращается к давно отвергнутому учению Виндшейна о «предпосылках» сделки. Поэтому автор требует: «пусть немецкая торговля сохранит содержание заключенных договоров; чем больше те жертвы, которые приносят торговые учреждения для того, чтобы выполнить договоры, тем это полезнее для репутации торговой фирмы и тем более способствует ее собственным будущим выгодам, создавая вместе с тем немецкой торговле уважение во всем мире».

Несколько иначе защищает такую же позицию проф. Ганс Рейхель. Правосудие делается служанкой пользы. Этим самым, против своей воли, открывают широко двери маккиавелизму в деловых отношениях. Но, более того, желаемая цель вовсе не достигается этим средством. Это воззрение близоруко, как и всякий оппортунизм. В особенности это сказывается в сделках с заграничными контрагентами. Судебная практика, которая упорно ориентируется на изменяющуюся конъюнктуру, забывает, что конъюнктура со дня на день меняется, и противник может обратить то же оружие против применяющего его, т.-е. сослаться на ту же самую судебную практику против тех, кому ранее она благоприятствовала. Поэтому в целях поднятия престижа Германии за границей автор призывает к неукоснительному соблюдению договоров хотя бы ценою принесения в жертву деловых интересов момента.

Исходя из других предпосылок, приходит к тому же отрицательному выводу проф. Генрих Тице в докладе, спе-

¹⁾ «Juristische Wochenschrift», 1920 г., стр. 961, прим.

²⁾ «Juristische Wochenschrift», 1920 г., стр. 962, прим.

³⁾ «Recht und Wirtschaft», 1920 г., стр. 236—237.

⁴⁾ «Juristische Wochenschrift», 1920, стр. 961—962 прим.

⁵⁾ «Recht und Wirtschaft», 1920, 136—137.

циально посвященном этому решению¹⁾. Он не согласен с теми юристами, которые считают недопустимым вмешательство судьи в содержание договора. По его мнению, возможно корректирование договора либо законом, либо учреждением, а в том числе и судебным, однако, лишь в тех случаях, когда суду такое право специально предоставлено законом.

Основание для такого вмешательства судьи дает юридическое понятие риска в договорах. Это понятие означает обременение одной стороны хозяйственно невыгодными последствиями в случае изменения существующих при заключении договора обстоятельств. Там, где этот риск падает на одну из сторон, там она должна выполнить договор, хотя бы в виду изменившегося положения вещей это и оказывалось для нее убыточным. Напротив, там, где на нее не ложится этот риск, там она освобождается от связанности по договору. Таким образом, степень связанности обуславливается принятым на себя в договоре риском. На кого падает риск, это решается по всей совокупности обстоятельств в каждом конкретном случае. Что касается договоров, подлежащих исполнению во время войны, то, в виду того, что было невозможно заранее предвидеть происшедшие грандиозные хозяйственные потрясения, риск не может считаться принятым на себя обязавшейся стороной.

Применяя эти выводы к данному решению и отвечая на вопрос, может ли судья не только дополнить и уничтожить, но и изменить договор, автор принципиально высказывается в утвердительном смысле на том основании, что между дополнением и изменением договора нельзя провести строгой границы. Однако, переходя от этого теоретического вывода к практическому вопросу, имеет ли судья право производить какие-либо изменения в содержании первоначального и встречного исполнения в двусторонних договорах, автор на этот вопрос дает отрицательный ответ. По его мнению, в этих случаях либо надлежит расторгнуть договор, если изменение обстоятельств является весьма существенным, либо возложить на обязанную сторону последствия риска, если имели место лишь обычные колебания цен. Изменение договора могло бы последовать лишь путем правосозидающего решения, но для такового не имеется опоры в существующих законах.

Что же говорят защитники этого решения?

Уже цитированный мною Крюкман (которому учение об институте оговорки и неизменных фактических обстоятельствах, обязано своим обоснованием) указывает на нижеследующее: ни один человек не заключает двустороннего договора иначе, как имея в виду встречное удовлетворение. Нет никаких оснований освобождать должника от ответственности, если он получает за свое исполнение нечто соразмерное, хотя бы исполнение и было для него весьма затруднительным. Соразмерным же является все, что хотя бы покрывает собственные издержки.

В данном деле вовсе не было необходимости произносить смелое слово о вмешательстве судьи в действующие договорные правоотношения. И без того должен был последовать такой же результат. Если должник, не использовав своего возражения, учинил исполнение, то он исполнил недолжное, и имеет право на иск о незаконном обогащении либо о ведении чужих дел без полномочий. Посредством этих исков должник может получить возмещение себе стоимости исполнения. На будущее же время должник

может воспользоваться правом отступления от исполнения в виду чрезмерной убыточности такового. Таким путем он может принудить кредитора пойти ему навстречу. «Как бы то ни было,—замечает автор в заключении,—это—чрезвычайно удачное решение, которое будут с радостью приветствовать как участники хозяйственной жизни, так и юристы».

Вышеупомянутый Эрнст Фукс указывает, что решение рейсгерихта вновь доказало невозможность для правосудия на долгое время замкнуться от требований, выдвигаемых хозяйственной жизнью.

Допущенное рейсгерихтом исключение из общего правила о неизменяемости договоров выросло из неумолимой нужды и хозяйственных потребностей. Существует сила, которая движет всеми абстрактными правовыми нормами; эту силу составляют развивающиеся хозяйственные потребности. Они являются подлинным центральным источником права, вокруг которого вечно вращаются все правовые нормы, никогда, однако, его не достигая, ибо оно находится в постоянном движении вперед. Это решение есть вместе с тем удар по логическо-конструктивному методу правоведения и по школе абсолютной монополии законности.

Наконец, в заключение мнение проф. Ганса Ниппердея²⁾. Он считает, что исходным пунктом могут служить правила герм. гражд. улож. о добропорядочности и невозможности исполнения. Но он идет дальше и считает, что для подобной категории дел надлежит применять более широкое, чем невозможность, понятие о «неответственности» стороны. В основе этого понятия лежат те же правила о добропорядочности (ср. § 242 герм. гражд. улож.). Различая «внешнюю верность договору», основанную на тексте договора, и более возвышенную «внутреннюю верность договору», основанную на необходимости предоставления противной стороне хотя бы приблизительного эквивалента за ее исполнение, Ниппердей доказывает, что освобождение от ответственности должника при наличии соответствующих предпосылок не находится в противоречии с принципом правильно понятой подлинной верности договору. Поэтому в данном деле, основываясь на требовании добропорядочности исполнения (§ 242 герм. гражд. улож.) и в интересах «внутренней верности договору», суд имел полное право обязать должника к исполнению лишь против соразмерного встречного исполнения.

Такова интересная юридическая контроверза, своими корнями уходящая к основным принципиальным проблемам о взаимоотношении суда и законов, о структуре гражданского права и пр.

Недостаток места не позволяет осветить эту проблему с точки зрения советского права, для которого эта проблема имеет существенное практическое значение. Не подлежит, однако, сомнению, что и здесь, как и во многих других случаях, когда извилистая мысль юриста-догматика останавливается в беспомощности перед традиционными юридическими конструкциями, там трезвый критический взгляд юриста-материалиста, приводящий все внешнее разнообразие правовых комбинаций к основным истокам хозяйственной реальности и хозяйственной целесообразности, найдет без особого труда правильный выход и надлежащее социально-правовое обоснование допустимости изменения судом содержания договора.

Е. Кельман.

г. Берлин.

²⁾ H. Nipperdey, Vertragstreue und Nichtzumutbarkeit der Leistung, Manureim, 1921 г.

¹⁾ H. Titze, Richtermacht und Vertragsinhalt, Тюбинген. 1921 г.

Меры Уголовного Кодекса.

(Окончание ¹).

III. «Меры У. К.» в общей системе мер борьбы с преступлением.

Как было уже сказано, безвозвратно отошло время уголовных кодексов, не шедших дальше противопоставления преступления наказанию. Усложнились поводы к проявлениям уголовно-правовой деятельности государства, умножились и формы ее. Преступление, как таковое, как изолированный лоскут индивидуальной жизни, перестало играть роль исключительного основания для актов государственного уголовного противодействия; преступление стало оцениваться в связи с общим «состоянием» преступника, степень опасности которого стала определяться «соответственно с тяжестью и видом преступного деяния, мотивами, побуждениями к действию, и личными свойствами преступника» (ст. 20 проекта Ферри). С другой стороны, рядом с наказанием появились меры социальной защиты или даже, как в проекте Ферри, была предложена новая юридическая этикетка, «санкция», покрывающая все виды уголовно-правовой деятельности государства.

Так дело обстоит на Западе. А в РСФСР? Нет сомнения, что ломка традиционных юридических перегородок была проведена здесь и шире, и решительнее.

Уже Угол. Код. 1922 г. признал (ст. 49) одну из мер социальной защиты—лишение права пребывания в определенных местностях на срок до 3 лет—применимой не только к осужденным, но и к оправданным, если они окажутся социально-опасными по связи с преступной средой (одно из проявлений опасного состояния).

«Основные начала» (ст. 22) допускают применение меры еще более решительной—удаление из пределов Союза Республик или из пределов отдельной местности с поселением в тех или иных местностях на срок до 5 лет лиц, признанных социально-опасными по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой в данной местности, уже независимо от привлечения их к судебной ответственности за совершение определенного преступления.

В полном согласии с 22 ст. «Основных начал» проект У. К. 1925 г., внесенный на 2 сессию ВЦИК XII созыва, подтверждал возможность самостоятельного возбуждения прокуратурой обвинения в «общественно-опасном состоянии» лиц, являющихся опасными по своей прошлой деятельности или по связи с преступной средой. К таковым лицам предполагалось применять высылку. Что же касается ссылки, то проект в этом отношении не использовал всей полноты прав, предоставленных союзным законодательством статьей 22 «Основных начал», и допускал ссылку при отсутствии обвинительного приговора только в отношении лиц, привлеченных к ответственности за преступления, особо перечисленные в ст. 35.

Комиссия по У. К., избранная сессией ВЦИК, отклонила включение в У. К. ст. 36, как равнозначущей с ней ст. 18 проекта, по мотиву трудности установить правильные формы применения этого широкого права при условии предоставления последнего всем парадным судам («Бюллетень», стр. 582, 583, 678). Доклад комиссии был принят сессией, при чем ходатайства перед ЦИК Союза об отмене ст. 22 «Основных начал» возбуждено не было.

Как бы то ни было, одна из «мер УК» уже оторвалась от состава определенного преступления и применяется су-

дом при наличии «опасного состояния», констатируемого независимо от совершения данным лицом преступления. Борьба с преступлением ведется здесь на более широком фронте воздействия на лиц, хотя бы и не совершивших преступления, но, по мнению суда, основанному на указанных в законе обстоятельствах, способных на преступление.

Второе расхождение систем борьбы с преступлением на Западе и у нас выражается в том, что у нас борьба с преступлением, как с совокупностью действий «законного» состава, проводимая в форме воздействия на лиц, совершающих эти действия, не замкнута, как на Западе, в рамки Угол. Код. «Меры УК»—не единственное средство, которым законодатель РСФСР борется с циклом преступлений, предусматриваемых Угол. Код. Советское право знает меры, параллельные «мерам УК».

Так, во-первых, 11 статей УК—I ч. 99, 140г, I ч. 176, 216, 217а, 220, 220а, 221, 222, 223 и 225—предусматривают не уголовную, а административную ответственность, но «меры УК», а меры взысканий, налагаемые подлежащими исполнению. Штрафы и принудительные работы, назначаемые этими статьями, по содержанию не разнятся от «наказаний», упоминаемых в 32 ст. УК 1922 г., но это все же не наказания, так как согласно ст. 9 УК издания 1922 г. «назначение наказаний производится судами и органами», и «наказанием» не может быть названа мера, налагаемая органом администрации в порядке несудебном.

Проект УК 1925 г. в двух статьях—104 и 126—предусматривает штрафы и принудительные работы, налагаемые в административном порядке. Те и другие—не «меры УК», а меры административных взысканий, так как штрафы и принудительные работы, как «меры УК», принадлежат по проекту к числу судебно-исправительных мер, т. е. мер, назначаемых в судебном порядке.

Рассматривать ли штрафы и принудительные работы, назначаемые по той или другой статье Угол. Код., как «меры УК» или как меры административных взысканий,—спор не о словах только,—от решения спора зависит объем применения к данному случаю правил статей общей части УК, с одной стороны, и законов о применении обязательных постановлений—с другой ²).

Вторым, если не конкурентом, то корректором правил УК, в части санкции, является Исправительно-Трудовой Кодекс: условное и безусловное досрочное освобождение заключенных, по отбытии ими установленного законом минимального срока, предоставлено у нас распределительной комиссии, органу административному (ст. 16 ИТК). Равным образом, из сопоставления ст. 16 п. 1 со ст. 47 п. 4 ИТК можно понять, что приговоренный судом к лишению свободы со строгой изоляцией лишь по решению распределительной комиссии заключается в изолятор специального назначения. И, наоборот, по решению той же комиссии, могут быть направлены в изолятор лица, приговоренные к лишению свободы без упоминания о строгой изоляции.

Третьим конкурентом «мер УК» является порядок дисциплинарной ответственности.

Согласно общепринятой доктрине (Лист, учебник), государственное дисциплинарное взыскание тем отличается

¹) См. № 16 „Еж. Сов. Юст.“ за 26 г.

²) Подробности в моей статье „Административный порядок ответственности на основании УК“ в „Административном Вестнике“ № 1, январь 1925 г.

от уголовного наказания, что первое (дисциплинарное) налагается государством не в качестве носителя публичной государственной власти, а в силу занимаемого им главенствующего положения в области внутренней службы и в интересах последней. Отсюда выводы: наложение дисциплинарного взыскания не есть дело уголовного суда; одно и то же нарушение может повлечь за собой дисциплинарное взыскание и, сверх того, наказание в собственном смысле; принадлежащий к нескольким служебным ведомствам может за одно и то же нарушение подвергнуться нескольким дисциплинарным взысканиям; истечение давности наказания не исключает дисциплинарного преследования и т. д.

Эта характеристика дисциплинарных нарушений и взысканий не подтверждается советским правом.

Ст. 105 УК 1922 г., санкции которой сохраняют силу и для ст.ст. 106 (в 1 ч.), 107, 108 и 109, различает простое и квалифицированное злоупотребление властью, преследуя за первое в дисциплинарном порядке и только за второе—в уголовном. Но если присмотреться ближе к предусматриваемым ст. 105 случаям дисциплинарной ответственности, они далеко не однородны. Пока закон говорит о действиях должностного лица, «которые имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия», то здесь в большинстве случаев мы будем иметь действительно лишь не выходящее за границы дисциплинарного проступка нарушение порядка службы, но когда в той же ст. 105 мы читаем далее о действиях, которые «повлекли за собой нарушение общественного порядка или охраняемых законом прав или интересов отдельных граждан», то здесь в большинстве случаев мы будем иметь дело уже со служебными преступлениями.

В том, что дисциплинарные меры выступают здесь, как суррогаты «мер УК», убеждают и вводные слова к положению о дисциплинарных судах («С. У. 1924 г. № 62, ст. 618»). В отличие от правил о порядке дисциплинарной ответственности судебных работников (положение о судоустройстве РСФСР, ст. 112), признающих поводами для возбуждения дисциплинарного производства «проступки, поведение или действия судебных работников, хотя бы и ненаказуемые уголовными законами, но несовместимые с достоинством и назначением судебных деятелей, имевшие место как при исполнении ими служебных обязанностей, так и вне их», положение о диссудах говорит только о борьбе «со служебными упущениями, проступками и неправильными действиями» и, сверх того, делает оговорку, уместную по отношению к преступлениям (нельзя дважды наказывать за одно и то же преступление), но излишнюю и неприемлемую по общепринятому мнению (см. выше) в отношении дисциплинарных нарушений: «если эти действия не подлежат наказанию в уголовном порядке».

При оценке ст. 105 УК предоставляемого ею широкого простора судебному усмотрению в деле признания должностного правонарушения уголовным или дисциплинарным необходимо иметь в виду чрезвычайно широкий по охвату состав должностных преступлений по УК. В то время, как буржуазные законодательства проводят начала административной гарантии и уголовную ответственность своих чиновников за увлечения и излишества в проведении правительственного курса ставят в тесные пределы казуистически отредактированных составов служебных преступлений, Уголовный Кодекс отвергает начала административной гарантии, и оценка тов. Вышинского¹⁾,

что «там Угол. Код. рубит широко», к области должностных преступлений приложима в особенности. Тов. Вышинский останавливается на санкциях, говорит об «огневых ударах, грубых и резких, как сама революция», указывает на то, что из 15 статей главы 2 (ст.ст. 105—118 УК) восемь, т. е. свыше 50 проц., предусматривают высшую меру наказания. Мы отмечаем другую черту этих постановлений—необычайно широкий размах диспозиций. Служебное преступление законодатель видит во всяком или почти во всяком злоупотреблении, превышении, бездействии власти, если только оно было систематическим или связанным с личной заинтересованностью, или заведомо угрожавшим тяжелыми последствиями. Если бы у суда не было права широкой оценки и выбора порядка преследования, если бы наш суд был так же связан формальным началом в отношении возбуждения уголовного преследования, как связан суд на Западе, судебные учреждения были бы загружены у нас делами о должностных преступлениях.

К дисциплинарной ответственности за мелкие, хотя бы и уголовного характера, служебные правонарушения законодатель обращается, можно думать, по тем же соображениям, по которым в других случаях он вводит, как мы уже видели, административную ответственность за деяния, предусмотренные Угол. Код. Им руководит желание, с одной стороны, разгрузить суды от мелких уголовных дел, с другой не только количественно, но и качественно умерить ответственность за совершаемые служащими мелкие, хотя бы и уголовного характера правонарушения, сократить количество уголовных подсудностей.

Отмечаемую особенность советского права, заключающуюся в отсутствии резко выраженных границ между уголовным и дисциплинарным правом, необходимо иметь в виду при стоящем на очереди пересмотре положения о дисциплинарных судах.

Следует желать, во-первых, расширения круга лиц, подпадающих ведомству этих судов. Декрет ВЦИК «О дисциплинарных взысканиях за нарушение служебной дисциплины в советских учреждениях» от 27 января 1921 г. не знает иных дисциплинарных взысканий, кроме выговора, а действующее положение о диссудах не применяется к лицам, занимающим должности ниже заведующих отделами. Такой порядок не отвечает правильно понятым интересам ни службы, ни служащих. В то время, как служащие высших категорий за мелкие служебные правонарушения, тяготеющие к уголовным, отвечают перед диссудами, служащие низших категорий или предаются уголовному суду, или ускользают почти от всякой ответственности, так как объявление выговора в порядке декрета ВЦИК 1921 г., как репрессивную меру, нельзя принимать всерьез. Но эта безответственность часто только кажущаяся, дорого обходящаяся тем, кому она выпадает на долю. Пятно и, может-быть, напрасное, так как лишь суд в состоянии реабилитировать обвиняемого, остается на репутации служащего и легко ведет к потере им службы при очередном штатном сокращении.

Второй вопрос, которого нельзя обойти при пересмотре положения о дисциплинарных судах, это—вопрос о распространении их компетенции на кооперативных и профсоюзных работников соответствующих категорий. Если предположить, что государственные диссуды заняты лишь разбором нарушений интересов государственной службы, не переходящих в нарушение интересов государства, как целого,—вопрос решается просто. Подсудность дел о работниках кооперации и профсоюзов государственным диссудам была бы недопустимой уже потому, что она означала бы огосударствление кооперации и профсоюзов; но также нельзя упускать из виду, что фактически диссуды ведают, на ряду

¹⁾ А. Вышинский. — «Дисциплинарные суды и должностные преступления» „Е. С. Ю.“ 1923 г. № 30, стр. 676.

с дисциплинарными, также правонарушения, по природе их уголовные, что меры, назначаемые диссудами, часто выступают в роли суррогатов «мер УК», и что поэтому суждение об этих нарушениях не может быть предоставлено иным судам, кроме государственных. В этих случаях компромиссное решение вопроса могло бы быть найдено в пополнении в подлежащих случаях состава диссудов представителями соответствующих общественных организаций.

Резюмируем сказанное.

В системе старого и зарубежного уголовного права противостоят одно другому, как понятия соотносительные и

взаимно друг друга покрывающие, преступление и наказание, при чем второе призвано санкционировать идеальную перушимость первого, фактически нарушенного преступлением. В советском праве с отпадением идеи возмездия и под напором всепобеждающей идеи целесообразности стираются старые разграничительные линии между уголовным, дисциплинарным и административным правом, и рамки каждого из них получают условный и изменчивый, исторически и политически определяемый характер.

С. Моиринский.

Комонес не должна быть передаточной инстанцией*).

Внимание пролетарской общественности, наконец, обращено на дело борьбы с детской беспризорностью и порождаемой ею детской преступностью. Некоторая доля этого внимания должна быть уделена комиссиям по делам о несовершеннолетних, которые в настоящем своем положении в значительной степени обречены на то, чтобы работать впустую.

Комонес имела довольно печальную судьбу. Учреждены эти комиссии были, как орган полноправный, как орган, в котором должны сосредоточиться и получать окончательное разрешение все дела о несовершеннолетних правонарушителях. Декрет от 14/I 1918 г. исключал самую возможность того, чтобы дела об общественно-опасных деяниях несовершеннолетних (до 17-летнего возраста) попадали в суд. «Суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются» — сказано было в этом декрете. Однако, прошло два года с издания первого декрета о комиссиях для несовершеннолетних, и уже полноправность их оказалась ими утраченной: «При рассмотрении дел о несовершеннолетних в возрасте 14—18 лет, — постановлялось в декрете от 4/III—1920 г., — если комиссией будет установлена невозможность применения к несовершеннолетнему мер медико-педагогического воздействия, дело передается в народный суд». И по сей день еще действует этот декрет, настолько непоследовательный, что в нем только что процитированная статья 4 прямо-таки аннулировала ст. 1, повторявшую вслед за декретом 1918 г.: «суды и тюремные заключения для малолетних и несовершеннолетних упраздняются».

Получилось из этого вот что. Состав комонес (судья, врач и педагог), казалось бы, делает из них орган в полной мере авторитетный для разрешения вопроса о режиме, которому следует подвергнуть данного несовершеннолетнего (моложе 16 лет, ибо дела перешагнувших этот возраст попадают по ст. 18 УК и 38 УПК прямо в суд). К тому же комонес имеет в своем распоряжении еще и штат следователей-воспитателей, дающих ей обстоятельный материал о личности доставленных в комонес ребят. И все же если комонес находит, что данный несовершеннолетний правонарушитель (социально запущенный рецидивист и т. п.) должен быть направлен не в школу и не в детский дом, а в труддом для несовершеннолетних правонарушителей, то постановить этого комонес не вправе. Она может только (см. ст. 16 инструкции комонес 1920 г.), признавая для данного несовершеннолетнего недостаточными находя-

щиеся в ее распоряжении меры — беседу, внушение, определение на работу, помещение в школу и т. п., постановить о передаче несовершеннолетнего вместе с делом в народный суд. Подчас бывает, что нарсуд отказывается применить ту меру, которую комонес считала единственно целесообразною, и возвращает дело в комонес для применения мер, уже признанных комонес неприменимыми к данному несовершеннолетнему. По более серьезным делам роль комонес сводится, таким образом, к роли передаточной инстанции. Почему-то члены комонес — судья, врач и педагог — в этих случаях решающего голоса не имеют, а решающий голос принадлежит судье с двумя заседателями, конечно, менее компетентными решать вопрос о мере медико-педагогического воздействия, чем врач и педагог.

Пока мы стояли на точке зрения УК 1922 г., согласно которому суд получал из комонес дело о несовершеннолетнем от 14 до 16 лет для применения к нему наказания (ст. 18 УК), сохранялась хоть некоторая видимость логики. Если 14—16-летнего обычными медико-педагогическими мерами не «проянить», его проймаешь только наказанием, значит дело о нем и должно идти в суд, ибо наказывать вправе только суд. Но ведь сейчас мы уже отказались от самого понятия «наказание». Помещение в труддом для несовершеннолетних правонарушителей мы рассматриваем теперь даже не как меру судебно-исправительного характера, а как меру медико-педагогического характера. Ст. 46 Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР гласит: «Места заключения разделяются на: ...Б. Учреждения для применения мер социальной защиты медико-педагогического характера: 1) трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей, 2) трудовые дома для правонарушителей из рабочей-крестьянской молодежи». Ст. 4 положения о комонес 1920 г. получила теперь такое несуразное содержание: если комонес установлена невозможность применения к несовершеннолетнему мер медико-педагогического воздействия, дело передается в народный суд... для применения мер медико-педагогического характера.

Противоречивость создавшегося положения сказалась и на редакции ст. 8 «Основных начал уголовного законодательства СССР»: «Меры социальной защиты медико-педагогического характера подлежат обязательному применению к малолетним; в отношении несовершеннолетних они подлежат применению только в тех случаях, когда соответствующими органами (читай: органами медико-педагогического воздействия, а именно комонес. А. Э.) будет при-

* Печатается в дискуссионном порядке. Редакция.

знано невозможным применение к этим лицам мер социальной защиты судебно-исправительного характера. Во всех остальных случаях вопрос о применении мер медико-педагогического характера решается судом» (разрядка наша. А. Э.). По этой статье как бы выходит, что первый вопрос, который должна себе поставить комиссия, разбирая дело о несовершеннолетнем, это—вопрос: «нельзя ли его отдать под суд». Не даром ст. 11 принятого ВЦИК проекта нового УК вынуждена была воспроизвести ст. 8 «Осн. начал» наоборот и сказать: «К несовершеннолетним от 14 до 16 лет меры судебно-исправительные могут быть применяемы лишь в случаях, когда комиссия будет признано невозможным применение к ним мер медико-педагогических».

Новый УК РСФСР, впрочем, не дает удовлетворительного разрешения вопроса, оставаясь в сущности в этом отношении на позиции УК 1922 г. Всякому должно быть ясно, что если более гибкие и тонкие меры—медико-педагогические—при всем их разнообразии признаются в отношении данного несовершеннолетнего моложе 16 лет неспособными привести к желательному результату, то обычные меры—судебно-исправительные,—будучи применены к нему, окажутся уж во всяком случае не в состоянии его исправить, и их придется охарактеризовать, поскольку речь идет об этом несовершеннолетнем, как меры «судебно-исправительные»,—и только. Их роль сведется тогда просто к изоляции опасного несовершеннолетнего, ибо о функции «общего предупреждения» в данном случае говорить не приходится. Если же он подлежит изоляции, как неисправимо опасный субъект, то какой смысл имеет постановление УК об обязательном смягчении для него срока лишения свободы на половину? Не есть ли это простой пережиток смягченной ответственности для уменьшенных вменяемых, понятной в кодексе, стоящем на точке зрения «вины», но совершенно противоречащей принципам нашего УК?

Нам думается, что если еще можно говорить о неисправимых взрослых преступниках, то говорить о неисправимости мальчика или девочки моложе 16 лет нельзя: они исправимы, но, конечно, только при правильном подходе к ним, в обстановке специально приспособленного к воздействию на трудно-исправимых заведения. Ст. 16 «Осн. начал» предусматривает помещение несовершеннолетнего в специальное заведение, признавая эту меру мерой социальной защиты медико-педагогического характера. Правда, ст. 25 нового УК, воспроизводя ст. 16 «Осн. начал», говорит уже только о помещении в специальное лечебно-воспитательное заведение. Мы думаем, что эта вставка ничего не изменила, ибо выражение «лечебно-воспитательный» есть простой перевод иностранного термина «медико-педагогический». Весь вопрос в том, что понимать под этими специальными заведениями на практике. В Исправительно-Трудовом Кодексе РСФСР, при составлении которого уже имелся в виду проект «Осн. начал угол. законодательства СССР», трудовые дела для несовершеннолетних правонарушителей, как мы видели, признаются учреждениями для применения мер социальной защиты медико-педагогического характера. Ст. 25 нового УК, каза-

лось бы, допускает такое понимание, но ст. 11 этого УК, если ее сопоставить со ст. 174 Испр.-Труд. Кодекса, противоречит этому пониманию. Дело в том, что согласно ст. 174 в труддома принимаются несовершеннолетние от 14 до 16 лет, приговоренные судом к лишению свободы, а часть 3 ст. 11 УК гласит: «при назначении несовершеннолетнему судебно-исправительной меры, в виде лишения свободы...».

Приходится ожидать, что будет сделан вывод: труддома для несовершеннолетних правонарушителей только по недоразумению названы учреждениями для применения мер медико-педагогического характера—на самом деле, они, дескать, предназначены для применения мер судебно-исправительного характера. Если не делать этого вывода, то нужно сдать в архив идею, положенную в основу ст. 11 нового УК. Но тому, кто сделал этот вывод, угрожают не меньшие затруднения уже иного характера. Ему придется подыскивать для труддомов, о которых идет речь, новую цель, ибо старая цель, изложенная в ст. 175 И.-Т. Код., рисует их, во всяком случае, как учреждения педагогического типа: не даром в них создается педагогический совет, которому, согласно ст. 177, передаются права распрекомиссии и наблюдательной комиссии. Нам думается, впрочем, что никакой новой цели для этих труддомов, рассчитанных на несовершеннолетних от 14 до 16 лет, никто не предложит. Воздействие на них может и должно сводиться к тому, чтобы «обучить их квалифицированным видам труда, расширить их умственный кругозор путем общего и профессионального образования и создать из них самостоятельных и сознающих свои права и обязанности граждан, а также вместе с тем дать им физическое воспитание и оздоровить их посредством гимнастики, спорта и гигиены тела» (ст. 175 И.-Т. К.). А если так, то совершенно нелепой является нарочитая краткосрочность пребывания несовершеннолетнего в этих труддомах, к которой ведет воспроизводящая статью 18-а УК 1922 г. часть 3 ст. 11 нового УК. В труддома будут направляться, главным образом, несовершеннолетние рецидивисты-воры, для которых на основании ст. 11 и п. «в» ст. 180 нового УК срок пребывания в труддоме должен будет ограничиваться максимум полугодом.

Все эти невязки порождены одной основной невязкой, тем, что трудно-исправимые несовершеннолетние правонарушители фактически изъяты из ведения комиссии и рассматриваются не как запущенные подростки, требующие сугубого медико-педагогического воздействия (конечно, в условиях твердого режима), а как преступники, подлежащие судебно-исправительному воздействию наравне со взрослыми преступниками. Должен быть восстановлен в полной силе принцип, положенный в основу первого декрета о комиссии от 14 января 1918 г. С этим принципом должны быть согласованы и «Основные начала уголовного законодательства СССР», и новый УК РСФСР. Должны быть оставлены в неизменном виде ст.ст. 46 и 175 И.-Т. К., а в ст. 174 того же Кодекса указание, что в труддома для несовершеннолетних правонарушителей последние направляются по приговорам судов, должно быть заменено указанием на направление их туда по постановлениям комиссии.

А. Эстрин.

Положение о воинских преступлениях.

Советская система государства есть результат коллективного революционного творчества пролетарских масс. В отличие от парламентарно-буржуазной системы государства, насчитывающей сотни лет своего существования, наша советская система (если даже считать первые попытки организации Советской власти в 1905 г.) насчитывает всего 2 десятка лет. Наше советское орудие классовой борьбы имеет еще массу недостатков конструктивного характера, механизм нашего советского государственного аппарата не достаточно пока еще усовершенствован. В силу этого он местами бывает громоздкий, неуклюжий и непроизводительно расходующим материальные средства и человеческую энергию.

Однако, это единственное и наиболее верное орудие классовой борьбы в руках пролетариата. Наша задача теперь принимать все меры к тому, чтобы путем вовлечения широчайших рабоче-крестьянских масс в советское строительство усовершенствовать государственный аппарат. Задача очень трудная. Много нам еще придется поработать над усвоением учения Ленина о советском государственном строительстве и не раз еще нам придется перетряхивать наши планы и наше законодательство, пока добьемся такого положения, при котором мы будем неуязвимы в борьбе с буржуазией.

Из всех вопросов советского строительства, кажется, меньше всего разработаны вопросы нашей советской юриспруденции и, в частности, вопросы нашего судостроительства и судопроизводства. Не удивительно поэтому, что сейчас в этой области работы происходят самые горячие дискуссии и споры по самым разнообразным вопросам, начиная с революционной законности и кончая отдельными статьями не только действующих, но и проектируемых кодексов.

Немало этих споров ведется также вокруг нашего военного судостроительства и судопроизводства. В результате таких споров не раз и не два мы расформировывали и перестраивали наши военно-судебные учреждения, желая найти наиболее совершенную и экономную организационную структуру таковых. В настоящее время происходит ломка Угол. Код. Прошло уже полгода, как мы получили и применяем в РККА по воинским преступлениям новое военно-уголовное законодательство в виде положения о воинских преступлениях. Срок как-будто бы достаточный для того, чтобы можно было сделать предварительные выводы о полезности и целесообразности этого последнего нововведения.

Первое, что можно сказать по этому поводу, так это то, что раздробление УК на отдельные «положения», есть мероприятие, явно нецелесообразное и на практике не облегчает, а усложняет и затрудняет всю судебно-следственную работу. Некоторые товарищи под это мероприятие стараются подвести политический и научно-теоретический фундамент, заявляя, что, де, РККА у нас организация общесоюзная, а потому должна иметь и общесоюзное уголовное законодательство. Но спрашивается, почему это только военнослужащие за преступления, совершенные по роду их службы, обязаны отвечать перед общесоюзным уголовным законодательством, а работники транспорта, Наркоминдела и др., тоже за преступления по роду своей службы, могут отвечать и перед судом в каждой отдельной республике, по уголовным законам той республики, где будет совершено преступление.

Уж ежели ставить вопрос таким образом, то его нужно поставить по-ленински. В своем знаменитом письме

«О двойном подчинении и законности» тов. Ленин писал следующее: «Каковы же эти суды? Суды у нас местные. Судьи выбираются местными советами. Поэтому та власть, которой прокурор передает решение возбужденного им дела о нарушении закона, является властью местной, которая обязана, с одной стороны, абсолютно соблюдать единые установленные для всей Федерации законы, а, с другой стороны, обязана при определении меры наказания учитывать все местные обстоятельства, имеющая при этом право сказать, что хотя закон, несомненно, был нарушен в таком-то случае, но такие-то близко известные местным людям обстоятельства, выяснившиеся на местном суде, заставляют суд признать необходимым смягчить наказание по отношению к таким-то лицам или даже признать таких-то лиц по суду оправданными. Если мы этого элементарнейшего условия для установления единой законности во всей Федерации не будем проводить во что бы то ни стало, то ни о какой охране и ни о каком создании культуры не может быть и речи».

Отсюда видно, что Ленин вопрос ставил так: единый закон, а суды местные. И это единственно правильная постановка вопроса. У нас же с учреждением СССР вопрос ставится так: ни единого законодательства, ни единого суда.

Такое положение нельзя признать нормальным и соответствующим интересам как отдельных республик, так и СССР в целом. Выкраивание из УК отдельных глав и статей в особые «положения» делает этот вопрос еще более запутанным. В самом деле, что получается у нас с военными трибуналами в результате дробления на отдельные положения нашего уголовного законодательства. Говорят, что ВТ, как и РККА—союзные органы власти, но нигде в союзном законодательстве нет ни одной строчки, где бы говорилось об этих ВТ.

Далее. Военные трибуналы в своей судебно-следственной работе обязаны руководствоваться процессуальными нормами той республики, на территории которой они находятся. Таким образом, материальные статьи пол. о воинских преступлениях применяются на основании процессуальных норм (УПК) разных республик. Кассированные приговоры о неправильном применении статей положения о воинских преступлениях направляются в кассационные инстанции отдельных республик. Спрашивается, может ли каждая отдельная республика судить о том, правильно или неправильно применяется союзное уголовное законодательство союзным же судебным органом и давать свои кассационные разъяснения. Получается какой-то судебно-следственный венигрет, который нельзя оправдать никакими политическими, никакими научно-теоретическими и практическими соображениями, а следует как можно скорее с ним покончить.

Если союзные органы выполняют большую часть государственных функций (из 18 наркоматов 12 работают в общесоюзном масштабе), если мы имеем общесоюзное гражданство и вообще между отдельными советскими республиками больше общего, чем своего специфически национального, у нас может и должно быть единое советское уголовное право, которое должно быть изложено в едином союзном уголовном законодательстве (УК и УПК СССР). Только при этом условии можно серьезно говорить о единой революционной законности, как ее понимал тов. Ленин. Только при этом условии есть смысл учреждать и союзную прокуратуру.

В заключение следует внести такое практическое предложение: УК и УПК РСФСР взять за основу и переработать их в союзные кодексы, а так как суд в каждой республике будет местный, то перевести их на местные национальные языки. Последнюю главу УК «о нарушениях» совершенно исключить из УК, и вместо нее ввести новую главу, в которой поместить особые национальные виды

уголовных преступлений, по желанию национальных республик. Что касается главы о нарушениях, то эти виды правонарушений могут быть изложены каждой национальной республикой в своем положении.

Данченко.

Дальне-Восточная область, гор. Хабаровск.

Пересылки по этапу.

В заключение следует внести такое практическое предложение: фельетоны «За гривенник» и «Милиционер Воронцов» обратить внимание читающей публики на вопиющие случаи совершенно бессмысленных и ненужных отправлений этапным порядком двух граждан: милионера и красноармейца.

При этом он по поводу милиционера Воронцова апеллировал к Прокурору Республики. Будет, пожалуй, излишним сказать, что это дело не оставлено без внимания, но что, с другой стороны, дело вовсе не в этих двух случаях, и даже не в злой воле отдельных местных работников, а во всей системе наших этапных пересылок, вследствие которой незаконные и нецелесообразные действия местных властей указанными двумя случаями далеко не исчерпываются.

Прокуратура Республики, само собою разумеется, уже давно обратила внимание на это безобразное и ни с какой точки зрения недопустимое явление, и совместно с руководящим центром уголовно-розыскного дела в Республике пыталась и пытается ввести неорганизованный поток этапных пересылок в определенное, отвечающее духу нашего закона русло, поставив непрерывным условием для всякой пересылки по этапу по требованиям иногородних судебно-следственных и административно-розыскных властей обязательную визу прокурора.

Однако, благодаря целому ряду причин, к которым мы еще вернемся, все мероприятия Прокуратуры Республики оказываются недостаточными. «Печальные курьезы» вроде пересылок по этапу милиционера Воронцова и оштрафованного на гривенник красноармейца, — увы, — еще и сегодня продолжают оставаться далеко не единичными случаями. По малейшему пустяку присылаются требования о высылке гр. X в город N, а виза прокурора, как правило, отсутствует, точно так же, как и объяснение мотивов и оснований для производства задержаний и этапной пересылки. Конечно, против такого нарушения правил об обязательной визе прокурора идет борьба, но, тем не менее, когда местные власти получают такое требование от иногороднего уголовного розыска, следователя или суда, они поневоле начинают ломать себе голову над вопросом, как в данном случае поступить. Инструкции очень определены, и знают только один ответ: отклонить. Но начальник уголовного розыска, практический работник, кстати знающий и свои методы истребования из других городов заподозренных или уличенных граждан для следования по этапу, не так-то легко решится пойти по догматическому пути инструкции. Он отлично знает, что лежащее перед ним требование, ничего не говорящее и по сути дела ни на один вопрос не отвечающее, может оказаться документом исключительно серьезного значения. Оно может одинаково легко относиться к розыску по домовому краже, как и по вооруженному грабежу, к мельчайшему сопротивлению власти, как и к самому жесто-

кому убийству, к продаже полубутылки самогонки и к серьезному преступлению против порядка управления. И на практике как-то всегда выходит так, что строгое «отказать» из инструкции превращается в очень покладистое «удовлетворить» на деле.

Прокурор при Московском уголовном розыске тов. Островский в № 11 журнала «Административный Вестник» за 1925 г., передает целый ряд интереснейших фактов из своей практики этапных пересылок. В Москве все эти требования об отправлении по этапам сосредоточены в Московском уголовном розыске, и вся работа (в изъятие из общего правила) проходит под непосредственным наблюдением и контролем прокурора. В Москве милицией и уголовным розыском ежемесячно задерживаются и заключаются под стражу в среднем 50—60 человек, подлежащих в порядке выполнения отдельных требований отправлению этапным порядком в судебно-следственные органы и органы дознания в те или иные губернии и области нашего Союза вплоть до самых отдаленных.

И вот тов. Островский рассказывает такие факты:

1. Требуется по этапу в г. Канск гр. Арон, И. Г., за оказание помощи высланному при самовольном отъезде из места высылки. Предположительная длительность этапа 2—3 месяца. Московский Рентгенологический Институт, осмотрев Арона, признает, что в виду болезни Арон ехать в Канск не может. Канский медицинский эксперт «за глаза» другого мнения, — в результате требование высылать по этапу.

2. Один из нарсудов постановил подвергнуть приводу гр. Александрова, члена РКП с 1918 г., и требует его по этапу. Преступление: Александров взял взаймы у товарища 150 руб. и не отдал.

Из своей практики мы можем добавить случаи, когда за неплатеж нескольких десятков рублей налога требовали по этапу из Дальне-Восточной области, за карманную кражу из Тифлиса, за растрату в 13 руб., совершенную в 1922 году, из Андигана, на процесс (по гражданскому иску об алиментах) в один из северных уездов Архангельской губ., и т. д.

Укажем еще на один любопытный пример из практики Московского уголовного розыска. Главное управление уголовного розыска Абхазии из Сухума 24 февраля 1925 г. (№ 364) просит принять меры к розыску, аресту и доставлению в угрозыск выбывшего, по слухам, в Москву гр. Парфенова, Сергея, 18 лет, руководителя коллектива юных пионеров. Причина розыска не указана, но по маловажному делу, ведь, не потребуются длительное следование этапным порядком в Сухум!..

Гр. Парфенов задерживается, управление угрозыска Абхазии запрашивается о ст.ст. обвинения, а если действительно требуется этап, то санкции местного прокурора. Получается ответ, что разыскиваемый гр. Парфенов присвоил деньги в количестве 35 рублей из шефской

суммы 4 коллектива юных пионеров. При этом просьба взыскать эту сумму и выслать в Сухумский уезд, а его освободить из-под ареста.

Уже в самые последние дни нам стал известен случай, когда следователь одной из центральных губерний затребовал по этапу инспектора-ревизора РКИ, производившего обследование в той губернии и привлеченного за растрату нескольких должностных лиц. Отпущенный прокурором под подписку о личной явке по месту требования, ревизор вернулся через несколько дней обратно, имея на руках справку от следователя о том, что он вызывался для показаний по делу о привлечении им вышеуказанных должностных лиц, т.-е. либо в качестве свидетеля, либо эксперта.

Очень часто от этих лиц или от знающих их вполне солидных и надежных поручителей, а иногда от учреждений, где они служат, поступает ходатайство, чтобы задержанных под подписку и поручительство освободить от следования по этапу, при чем они дают обязательство немедленно явиться по месту требования. Что делать органу дознания, которому требование о высылке по этапу поступило в этих условиях, особенно, если судя по этапному предложению, затребованный обвиняется отнюдь не в серьезном преступлении? Для него поступившее требование, по действующим положениям и инструкциям имеет обязательный характер, и не выполнять его он ни в каком случае не может.

В таком же положении и губпрокурор или его помощник, или следователь, наблюдающий за деятельностью данного органа дознания, и они не пользуются правом заменить подпиской или поручительством о личной явке даже самое непелесообразное и явно несуровое этапное предложение. Мы уже не говорим о тех случаях, когда требование исходит не от другого органа дознания, а от следователя, прокуратуры или суда: в таком случае орган дознания попадает уже в совсем безвыходное положение.

А, между тем, в таком положении дело оставаться не может, иначе случаи розыска, вроде указанных выше из практики Московского уголовного, или описанных тов. Зоричем, не перестанут оставаться обыденным и судебное работячество не удивляющим явлением. Особенно тяжело приходится при выполнении таких требований, если речь идет о должностных преступлениях. Бывает, откуда нибудь из Томска или из Самарканда следователь требует доставить по этапу провинтившегося по этой статье гражданина, сплошь и рядом впоследствии оказывающегося свидетелем по этому делу.

Само собою понятно, что здесь никакие визы прокурора на этапном предложении решительно ничем не могут помочь делу. Обстановка и вопросы целесообразности в данном случае имеют слишком большое значение, и нельзя настаивать, чтобы каждое подписанное прокурором требование было обязательно выполнено. Необходимо предоставить прокурорскому надзору в месте, где требование надо выполнять, широкую возможность решить вопрос о целесообразности этапного направления в зависимости от всей совокупности обнаружившихся условий и местной обстановки, представив ему право заменить этапную пересылку обязательством явки по месту розыска и проч. Кстати, из московской практики нам удалось установить, что из сотен отправившихся добровольно по месту требования только в 2 или 3 случаях граждане не явились туда; почти все остальные приезжают обратно либо со справкой о прекращении дела, либо оставив на месте подписку о невыезде из Москвы. Если бы вместо требования «о доставке по этапу» было прислано простое

требование «допросить по такому-то вопросу» результат в огромном большинстве случаев был бы тот же. Здесь будет вполне уместно отметить, что за тот длительный период, когда в Москве практикуется санкция прокуратуры на отправление по этапу, с мест не поступало никаких претензий на то, что прокуратура заменяла этап обязательством личной явки, за исключением одного только случая, когда иногородний нарсуд, затребовавший кого-то чуть ли не по алиментному делу, счел необходимым «обидеться» и указал, что согласно существующего положения никто не имел права заменить личной явкой его требование на этап, а обязан был безоговорочно требуемое лицо «запечатать и препроводить».

Казалось бы, не приходится доказывать, что «хождение по этапу» по требованию того или иного судебного следственного или розыскного органа на расстоянии сотен и тысяч верст, продолжающееся недели и месяцы и сопровождающееся многими пересадками и ожиданием этапа в узловых и передаточных местах заключения, должно рассматриваться, как мера, допустимая только в самых исключительных случаях. Нет спора, что к этой мере нужно подходить с сугубой осторожностью и пользоваться ею по преимуществу в отношении лиц с уголовным прошлым, либо обвиняемых в совершении тяжких преступлений, либо, наконец, в отношении явно уклоняющихся от следствия и суда. И казалось бы совершенно ясно, что при требовании о направлении по этапу нельзя не считаться с незначительностью предъявленного обвинения или с тем, что якобы скрывающееся лицо имеет постоянное местожительство, отлично известное и органу, посылающему этапное предложение. Не ясно ли, что вместо предложения об отправке по этапу было бы целесообразно послать вторичную повестку или же поручить соответствующему органу дознания обязать данное лицо явкой в определенное место и в определенный срок?

На практике, оказывается, ничего подобного не делается: право давать отдельные следственные поручения используются очень редко. Вместо того, чтобы поручить какому-нибудь уголовному розыску или участковому следователю допросить определенного гражданина и выявить интересующее орган дознания или следствия обстоятельство, на местах привыкли двинуться по линии наименьшего сопротивления, и, не задумываясь о последствиях, сразу хватаются за средство, допустимое только в виде особого исключения,—доставку по этапу. Также мало местные органы пользуются правом передачи дел через Верховный Суд для слушания в другой судебный участок. Казалось бы, что дальность расстояния между местом совершения преступления и местожительством привлеченного за это преступление к ответственности должна была бы стать одним из наиболее часто используемых поводов для такой передачи, ибо гораздо легче, удобнее и дешевле пересылать акты, чем живых людей.

Какой же выход из положения? То, что мы имеем сейчас, во всяком случае, неудовлетворительно: обязательная виза прокурора места требования очень мало меняет дело, ибо виза прокурора по всей своей сущности не может быть ни чем иным, как некоторой формальной гарантией для учреждения, которому требование послано, в том, что законность этого требования подвергнута предварительной формальной проверке,—не более. Учета обстановки на месте выполнения требования никакая виза прокурора, разумеется, никак заменить не может, между тем, как раз в этой обстановке, и в личности разыскиваемого надо искать ответа на вопрос, как наилучшим и наиболее безболезненным образом обеспечить его явку на место требования?

Самым лучшим выходом из положения была бы, конечно, строгая регламентация вопроса в законодательном порядке путем введения соответствующих положений в УПК. Было бы целесообразно ввести в УПК положения, предоставляющие прокурору или за его отсутствием в данном месте наблюдающему за органом розыска, которому предстоит выполнить этапное предложение, право хотя бы временного приостановления требования и замены этапа другой мерой пресечения, но, не дожидаясь внесения указанных изменений на обсуждение очередной сессии ВЦИК'а, преподать временно в форме согласованного между НКЮ и НКВД циркуляра местным органам соответствующие указания.

Таким образом, можно установить известные гарантии в том, что по этапу не будут посылать зря и что всякого рода необоснованные и незаслуживающие внимания требования не будут, очертя голову, выполняться.

Интересно посмотреть, что думают о предоставлении таких прав прокурорам местные работники прокуратуры, запрошенные из центра по этому поводу.

Мнения сильно разделились, но обнаружилось при этом странное обстоятельство: жизнь оказалась сильнее законов и циркуляров, и московские «вольности» представляли далеко не единственный случай, они практикуются в Астраханской, Орловской, Тверской, Ленинградской, Череповецкой, Пензенской и др. губерниях и областях. Само собою разумеется, что прокуроры этих мест самым решительным образом приветствуют мысль о двойной прокурорской санкции. Огромное большинство других прокуратур высказалось в том же смысле, некоторые, правда, с небольшими ограничениями: Воронеж, Крым, Брянск, Ульяновск, Благовещенск, Оренбург, Коми, Карелия, Новгород, Татарстан, Бурятская республика, Великий Устюг и Калмыцкая автономная область, Орел, Тула, Тверь, Уральская область, Архангельск, Пенза, Мурманск, Дагестан, Вологда, Владимир, Сибирь, Нижний Новгород и Сталинград. Против: Тамбов, Башкирия, Вотская область, Смоленск, Курск, Чувашская республика, Самара, Псков и Ярославль.

Ореди высказавшихся за ограничения одни требуют, чтобы из общего правила были сделаны исключения для особо важных преступлений и чтобы в таких случаях требование, снабженное визой прокурора, было обязательным, другие (Крым, Ленинград, Архангельск, Благо-

вещенск) предлагают предоставить прокурору по месту отправления не окончательное, а только предварительное право приостановления выполнения требования. При этом предлагается следующий выход: прокурор, убедившись в нецелесообразности этапной пересылки, излагает свои соображения прокурору по месту требования, но в случае подтверждения этапного предложения, немедленно его выполняет.

Теперь к возражениям: самое основное возражение — это боязнь упустить важных преступников. Оно не выдерживает положительно никакой критики, ибо если органы, требующие по этапу какого-либо преступника, будут знать, что их требования не абсолютно обязательны для выполнения, то они сумеют так мотивировать и формулировать свое требование, чтобы в его целесообразности не оставалось никаких сомнений, т. е., как это предполагает прокурор Карелии, улучшат и уточнят свою работу.

Другие боятся легкомысленного отношения к предложениям на местах их выполнения и волокиты, могущей возникнуть по этому поводу. При этом не учитывается, что худшая из волокит — это когда гражданина без достаточно серьезных причин волокут по этапу. Легкомысленное же освобождение возможно только в тех случаях, когда орган власти не потрудился как следует обосновать свое требование. Вообще, предложение двойной санкции ни в каком случае не граничит с недоверием подписавшему требование прокурору или другому органу власти. Двойная санкция — это двойной контроль, двойной предохранитель от ошибок и двойное обеспечение для граждан, что их без всякой необходимости не будут препровождать по этапу. Опасение за судьбу прокурорского престижа, высказываемое Тамбовским, Ярославским, Чувашским, Смоленским и другими прокурорами ни на чем не основано, ибо сотня несанкционированных предложений меньше повредит престижу прокурорского надзора, чем одна этапная пересылка милиционера Воронцова или ревизора из РКИ в качестве свидетеля.

Только предложенным нами образом можно достигнуть того, чтобы граждане всегда имели хоть некоторую гарантию от недостаточно мотивированных этапных пересылок, только так можно избавиться от загромождения наших этапных пунктов, только при таких условиях, наконец, мы перестанем тратить десятки рублей на пятачковые дела.

С. Тагер.

П о р е в и з и и.

(Вотский областной суд).

В личном составе Вотского областного суда за 1925 год произошло значительное количество отзыхов, перемещений и увольнений, которые не могли не отразиться на всей деятельности облсуда. Эти изменения были вызваны несколькими причинами: 1) привлечением в судебно-следственные органы возможно большего количества работников, знающих, наряду с русским, и вотский язык; 2) необходимостью освежить судебно-следственный аппарат, хотя бы передвижкой работников из одного участка в другой, не имея для замены достаточного количества кандидатов; 3) новым районированием, которое еще до сего времени целиком не проведено из-за того же недостатка

кандидатов; 4) низкой оплатой труда технических сотрудников, которые вследствие этого в судебно-следственных органах не задерживаются. При ревизии оказалось, что в облсуде почти во всех отделах работники были новые, недавно поступившие или перемещенные из других отделов.

Содержание низовых судебно-следственных органов в 1924—1925 году находилось на счете облисполкома, а с начала 1925—1926 бюджетного года переведено на уездный бюджет.

По сравнению с прошлым годом ставки зарплаты значительно увеличились для городских нарсудей и нарследователей; в сельских же местностях увеличение незначи-

тельное. Ставки технических сотрудников как городских, так и сельских, остались почти без перемены. Кредиты на канцелярские, хозяйственные и командировочные расходы суд. след. органов в нынешнем году также увеличены, при чем особенно это увеличение коснулось нарсудей в отношении хозяйственных денег и нарследователей в отношении канцелярских и хозяйственных, но в дни ревизии уже было известно, что в силу дефицитности областного бюджета кредиты могут быть срезаны.

Существующая судебно-следственная сеть (нарсудов 16, нарследователей 10) увеличивается на 7 участков нарсуда и на 2 участка нарследователя, но из-за недостатка работников это увеличение целиком еще не проведено. Если исходить из 19 участков нарсуда и 12 участков нарследователей, то окажется, что каждый нарсуд теперь в среднем обслужит 1,8 волости, а каждый нарследователь 2,8 волости. Расстояние от камеры до населенных пунктов будет: в нарсудах до 90 верст, а в участках нарследователей до 150 верст.

Работа пленума за 1925 год была не вполне удовлетворительна. Мало было заслушано докладов с мест (всего лишь трех нарсудей и двух нарследователей); докладов уполномоченных, заведующих отделами облсуда не было ни одного; не обсуждался вопрос о работе в деревне, об организации юридической помощи населению. Расширенных пленумов облсуда не устраивалось.

Работа пленума не могла развернуться в полной мере в силу тех же частых изменений личного состава облсуда.

В ИРО, как и в других отделах облсуда, сотрудники были новые (за исключением одного статистика). Понятно, что они в курс работы отдела еще не вошли, и если до них у ИРО мало было связи не только с местами, но даже с отделами облсуда, то и при них этой связи еще не имеется. Напр., в касс. коллегии ведется давно учет нарушений, допускаемых нарсудами, а ИРО лишь в самое последнее время начинает составлять циркуляры по некоторым из этих нарушений; директивных или товарищеских писем не составлялось вовсе; акты ревизии не обрабатывались ни до пленума, ни после пленума. Живого инструктирования не велось даже в стенах облсуда; вовсе неинструктированными оказались сотрудники, заведующие архивом, вещественными доказательствами, исполнительными частями и т. д. О подготовке судебно-следственных работников сведений в ИРО никаких не собиралось, и вообще этот вопрос внимания ИРО не привлекал.

Планов ревизии, выездных сессий и т. п. в ИРО за 1925 год не вырабатывалось, и поэтому в дело распределения кредитов на надобности судебно-следственных участков соответствующих поправок не вносилось, хотя необходимость их при наличии большого количества перемещений была очевидной.

Статистическая часть в ИРО поставлена удовлетворительно.

Все уполномоченные облсуда, а их трое, должности свои заняли сравнительно недавно; судебно-следственные участки по уездам они не посещали и поэтому положения на местах не знают. Уполномоченный по Глазовскому у. с облсудом почти вовсе не связан, так как он находится на расстоянии двухсот верст по гужевой дороге, и поездки туда совершаются по железной дороге через Свердловск или даже через Москву. Вопрос о предоставлении этому уполномоченному, на основании п. «ж» ст. 70 пол. о судоустройстве, права рассмотрения дел, подсудных облсуду, до сего времени пленумом не обсуждался, хотя препятствующих причин к этому не было.

Ревизии происходили исключительно в нарсудах, в 1925 г. все были обревизованы по одному разу. Поста-

новление пленума о производстве двух ревизий в каждом участке осуществить не удалось. Акты ревизии работу нарсудов охватывали довольно подробно. В 1926 году ревизии уже начались.

Съездов и совещаний в 1925 г., кроме областного, не было ни одного по двум причинам: из-за отсутствия средств и из-за тех же перебросок и новых назначений. В 1926 г. из-за дефицитности местного бюджета также едва ли будут созваны какие-либо съезды или совещания.

Практикантов при судебно-следственных участках не имеется. При облсуде практикантов трое, в том числе одна женщина. Практиканты при своей подготовке предоставлены самим себе. Систематических занятий с ними никто не ведет, и они используются как техническая сила в канцеляриях. На ряду с практикантами имеется также три выдвиженца: два состоят нарсудьями при 1-м участке нарсуда, а третий (женщина) состоит запасным судьей при уголовном отделе облсуда. Выдвиженцы в своей подготовке, как и практиканты, предоставлены самим себе.

С 1 февраля в Ижевске открылись трехмесячные юридические курсы, через которые предполагается пропустить 30 человек. В числе слушателей судебно-следственных работников из наличного состава будет состоять незначительное количество, так как для них не имеется замены. Помимо штатных слушателей, на курсы будет допущено до 15 человек вольнослушателей, преимущественно из числа сотрудников облсуда и прокуратуры. Юридическая литература для слушателей имеется. Вторые юридические курсы из-за дефицитности областного бюджета едва ли осуществятся.

Количество выездных сессий нарсудов в 1925 г. значительно сократилось в силу израсходования половины соответствующих кредитов на перемещения судебно-следственных работников. В текущем бюджетном году, т.-е. в период с 1 октября 1925 г., количество выездов нарсудей также не увеличивается, но не в силу перемещений судебно-следственных работников, а в силу отсутствия подлежащего в этом направлении руководства облсуда. На отсутствие такого руководства со стороны облсуда указывает то, что нарсудья часть авансов, отпущенных им на разъезды, возвращают неизрасходованными; так, напр., нарсудья 4 уч. Можгинского у. из 48 рублей возвратил обратно 39 рублей; 2 уч. того же уезда возвратил 10 рублей из 41 рубля и т. д.

Относительно выездных сессий облсуда необходимо отметить малое количество дел, назначаемых и рассматриваемых в них, благодаря чему средняя стоимость одного дела в сессии обошлась в 15 рублей.

Выборы нарзаседателей на 1926 г. были приурочены к переизборам в сельсоветы и происходили во второй половине ноября. Сведений о результатах выборов в облсуде в дни ревизии еще не было. По заявлению руководящих лиц, при переизборах было обращено особое внимание на привлечение в число избираемых наибольшего количества женщин и туземцев (удмуртов). Работы среди нарзаседателей в 1925 г. не велось судебными работниками ни на местах, ни в самом городе Ижевске, а если и велась, то в крайне незначительных размерах.

Этой работы, так же как и работы среди нарзаседателей, судебно-следственными работниками не велось. Главной причиной, не давшей выполнить эти задачи, являлись те же многочисленные передвижки. В 1926 г. на эту деятельность облсудом внимание обращено, и в настоящее время вырабатывается соответствующий план.

Юридическая помощь в области крайне незначительная, доказательством чего служит наличие всего лишь пяти консультаций, из которых городских—3, а сельских—2.

Членов коллегии имеется 8 чел., но это количество соорганизовано лишь во втором полугодии 1925 г., и поэтому о каком-либо развертывании работы говорить не приходится. Число обращений за прошлый год по всем консультациям области выразилось в цифре 3270, что в отношении всего населения составит в среднем от 4 до 5 чел. на тысячу. Лекции и собеседования на правовые темы членами коллегии ведутся, но они начались только лишь с декабря; нужно отметить, что большинство бесед все-таки было проведено не в городе Ижевске, а вне его.

Связь президиума коллегии защитников с облсудом слабая, что вытекает хотя бы из того, что план общественной работы коллегии защитников облсуду вовсе неизвестен.

Оказывается ли юридическая помощь населению через справочные столы при избах-читальнях или судебно-следственными работниками в своих камерах, в облсуде сведений не имеется. Коллегия защитников связи с избами-читальнями не держит и едва ли может держать в силу полного отсутствия средств на выезды.

Главными недочетами в судебной работе обоих отделов облсуда являются: 1) задержка в движении дел; 2) недостаточное инструктирование работников как облсуда, так и нарсудов.

Назначение дел к слушанию в Ижевском у. происходит через месяц по отправке повесток, но, наряду с этим, не делается никакого исключения для самого г. Ижевска, где месяца для вручения повесток, конечно, не требуется.

Уголовные дела, как арестантские, так и не арестантские, доходили до распорядительных заседаний в одинаковые периоды времени; исполнение постановлений распорядительных заседаний по арестантским делам также происходило с некоторым замедлением.

Незначительное инструктирование работников облсуда и отсутствие наблюдения за их работой подтверждается недочетами в постановлениях и протоколах, составившихся в некоторых своих частях непонятно или без соответствия с действительностью. Ни чем иным, как отсутствием инструктирования и наблюдения со стороны руководящих лиц, можно объяснить наличие тех самых процессуальных нарушений по уголовным делам, о которых так настойчиво писал Верхсуд в своих директивных письмах.

Инструктирование народных судов кассационными инстанциями недостаточно было уже потому, что не на все имевшиеся по делу нарушения указывалось, хотя бы таковые были и значительны, напр.: необозначение характера принудительных работ, несоблюдение порядка утверждения обвинительных заключений, неподписание жалобщиком своей жалобы, пересылка жалоб с пропуском установленного срока, направление кассационной жалобы через распорядительное заседание и т. д.; наряду с этим в кассационных определениях иногда указывался лишь ряд нарушенных статей; но в чем именно нарушение состояло, не разъяснилось.

К положительным сторонам работы в судебных отделах облсуда нужно отнести: по уголовному отделу—сравнительно подробную мотивировку при прекращении дел по

ст. 4-а УПК, а по гражданскому отделу—тщательное наблюдение за взиманием гербового сбора.

В нарсудах Вотской области остаток уголовных дел к 1 января 1926 г. в сравнении с 1 января 1925 г. немного уменьшился (на 8 проц.), но зато остаток гражданских дел увеличился почти в два раза. При ревизии были посещены нарсуды первых участков Ижевского и Можгинского у. В них обоих, помимо загрузки, оказалось неудовлетворительное состояние производства; большое количество дел вовсе не назначенных к слушанию; самое назначение происходит бессистемно: декабрьские дела уже рассмотрены, а поступившие в половине года лежат еще без движения; канцелярия работает с полной нагрузкой, но инструктирования и руководства работой сотрудников нет никакого; жалобы же руководящих лиц на негодность технического аппарата без конца. Сами судьи этих участков, как работники, вполне опытные, и поэтому постановка аппарата для них не могла бы быть затруднительной.

Положительной стороной работы этих участков нарсуда является то, что они не злоупотребляют прекращением дел по ст. 4-а УПК, по мотивировки к прекращению не приводится никакой, к тому же судьба вещественных доказательств по этим делам не обсуждается вовсе (1 уч. Ижевского у.).

Старших следователей при облсуде имеется четыре, двое из них командированы в следственные участки для разгрузки. Несмотря на то, что у старших следователей в производстве дел немного, задержка в движении их значительная. Главной причиной к этому опять-таки была текучесть состава, в силу которой имеется, например, случай, когда дело переходило от одного следователя к другому до девяти раз.

При просмотре дел у старших следователей каких-либо особых, часто повторяющихся нарушений не замечено, что указывает на их достаточную квалифицированность.

Народные следователи по области хотя и разгружаются, но в то же время растет процент дел, возвращаемых для доследования, а также высок процент дел, передаваемых по подследственности. Нарсудователи не инструктируются, на что указывает, напр., составление на 5—6 писанных или 3—4 печатных полулистовых страницах постановлений о предании суду по материалам органов дознаний. По подсчету оказалось, что снятие копий с таких пространств постановлений для вручения обвиняемым (ст. 245 УПК) требует в нарсудах месячной работы двух сотрудников. При надлежащем инструктировании такой излишней работы ни у нарсудователей, ни в нарсудах безусловно не было бы.

Судебных исполнителей до 1 января 1926 г. было 3, теперь же 4; все они состоят на госбюджете. Из полугодовых, хотя и неполных, сведений видно, что судебные исполнители с поступлением дел не справляются, и накопление дел у них возрастает. Производство было проведено у судисполнителя г. Ижевска, помещающегося в здании облсуда, при чем оказалось, что и он, наряду с другими сотрудниками, ниже из руководящих лиц не инструктировался.

И. Гладышевский.

Страница практика.

Руководство органами дознания.

На страницах «Еж. Сов. Юст.» много раз обсуждался вопрос о надзоре за органами дознания, теперь же, когда этот надзор проводится в жизнь, перед следователем выдвинут вопрос не только о надзоре в смысле выполнения закона, но и о руководстве органами дознания в смысле указания: в отношении техники производства дознаний, углубления знания советского законодательства и т. д.

Следовательно, нужно изыскать такие формы руководства органами дознания, которые приблизили бы органы следствия к органу дознания и подняли бы качество работы органов дознания.

Первым условием для создания более быстрого и живого руководства следователя органами дознания нужно считать приближение камеры следователя к органу дознания. Такое приближение для опыта было произведено в г. Ростове, где камеры следователей перенесены в помещение того органа дознания, который входил в район следователя, проще говоря, следователи прикреплены по районам милиции. Это прикрепление создало живую связь следователя с органом дознания и твердую базу для дальнейшего руководства.

Каждый работник органа дознания, находясь в одном здании со следователем, обращается к нему по каждому вопросу, вызывающему сомнение; таким образом, ежедневно до 10 человек участковых надзирателей, агентов угрозыска приходят к следователю и сообщая обсуждают те вопросы, которые вызывают сомнение.

Это прикрепление следователя к району милиции подняло качество работы органов дознания, что отмечено совещанием судебно-следственных работников совместно с органами дознания г. Ростова.

Вторая форма руководства органом дознания со стороны следователя — устройство периодических совещаний не реже 2 раз в месяц. На это совещание надо привлекать и народного судью этого же района; попутно с этими совещаниями следует устраивать общегородские или районные совещания судебно-следственных работников и прокуратуры совместно с органами дознания.

Вопросами этих совещаний должны быть вопросы увязки работы прокурора, следователя и органов дознания, а также увязки работы с судом, т. к. все эти органы являются, в конечном счете, ближайшими помощниками суда. На этом же совещании должны ставиться вопросы о всех общих дефектах, которые допускаются в работе этих органов, и изыскание способов к их устранению.

Благодаря таким совещаниям (они проводятся уполномоченным краевому суду Донского округа Сев.-Кавк. края) устраняется большая часть дефектов в работе органов дознания.

В дальнейшем на этих совещаниях следует ставить отчетные доклады судьи, следователя и органов дознания одного района.

Третьей формой руководства над органами дознания нужно признать углубление знаний сотрудников органов дознания в связи с передачей им дел более сложного характера, т. к. опыт, который накоплен сотрудником органа дознания, оказывается недостаточным.

В этом сложном вопросе должен помочь следователь и прокурор, общими усилиями надо создать основной коллектив сотрудников органов дознания, выработав программу занятий не только по теоретическим, но и по практическим вопросам, как-то: составление всякого рода постановлений на право обыска, выемки, наложения ареста на имущество, технику допроса.

Программа занятий не должна быть громоздкой и длительной, в нее надо включать проработку лишь необходимых вопросов, которые больше всего нужны в работе. Когда будут созданы эти основные предпосылки для районных органов дознания, можно будет перейти и к углублению этих форм.

В дальнейшем нужно поставить вопрос о борьбе с задержками дел у органов дознания.

Практика показала, что органы дознания по качеству своей работы не высоко стоят; мы знаем, что местами имеются большие залежи дел, вопреки требованиям ст. 101 УПК о месячном сроке производства дознания; другая причина медлительности заключается в заоздалом приступе к производству дознания; момент производства дознания отдален от момента совершения преступления, замечаются случаи, что должностные лица органов дознания приступают к производству дознания спустя 3—4 недели, т. е. тогда, когда дело полагается окончить дознанием.

Формальное отношение к надзору со стороны следователя должно быть изжито, и вместо него должно быть создано следователем твердое руководство, основанное на взаимном понимании общих интересов — улучшения качества работы органов дознания.

С принятием следователем функций надзора за органами дознания, вопрос о руководстве со стороны следователя должен быть поставлен на первый план.

В. Поляченко.

г. Ростов-на-Дону.

Обзор советского законодательства за время с 15 по 21 апреля 1926 года.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Финансы.

1. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 14 апреля об изменении ст. 2 постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 12 сентября 1924 г. о порядке вывоза и перевода валютных ценностей за границу («Изв. ЦИК СССР» от 17 апреля, № 83) норма допускаемых без особых разрешений перевода и пересылки валютных ценностей за границу понижена до

ста рублей в месяц. Для перевода либо пересылки сверх этой нормы требуется разрешение особого валютного совещания при НКФ Союза ССР, выдаваемое в случае представления доказательств необходимости оплаты ввозимых товаров, покрытия накладных расходов и т. п. (см. «Собр. Зак. СССР» 1924 г. № 11, ст. 106).

2. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 14 апреля о распространении единой системы денежного обращения Союза ССР на Сахалинский округ Дальне-Восточного края («Изв. ЦИК СССР» от 17 апреля, № 88) прекращено временно

допускавшееся на территории Сахалина и вытекавшее из педального его присоединения к территории Союза ССР производство и прием платежей в золотой и серебряной монете дореволюционного образца и иностранной валютой, а также чеками и векселями, выписанными в иностранной валюте. Разрешены лишь по общему правилу платежи иностранной валютой по сделкам с учреждениями и предприятиями, находящимися за границей. С 1 мая устанавливается обязательность к приему в платежи исключительно государственных казначейских билетов, серебряной и медной монеты советского чекана, а равно банковых билетов Госбанка. Краевому исполкому Дальнего Востока предоставлено продлить этот срок до 1 июля для отдельных местностей.

Постановление от 14 апреля дополняет постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 30 января 1925 г. о распространении единой системы денежного обращения Союза ССР на Дальне-Восточную область и Бурято-Монгольскую АССР («Собр. Зак. СССР» 1925 г. № 7, ст. 68).

3. Также дополняется постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 14 апреля о введении в Сахалинском Округе Дальне-Восточного Края годового окладного периода по промысловому налогу («Изв. ЦИК СССР» от 17 апреля, № 88) и постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 18 сентября 1925 г. об изъятиях из общей системы налогового обложения для острова Сахалина («Собр. Зак. СССР» № 64, ст. 467). Установление взаимн полугодового окладного периода по промысловому налогу периода годового проводится аналогично той же мере, принятой в отношении Камчатки постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 24 апреля 1925 г. об изъятиях из общей системы налогового обложения для Дальне-Восточной области («Собр. Зак. СССР» 1925 г. № 23, ст. 19), и вызвано особыми условиями разбросанности и отдаленности населенных пунктов этого края.

4. Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 2 апреля об отмене акциза с меда, кваса, фруктовых и искусственных минеральных вод («Изв. ЦИК СССР» от 16 апреля, № 87) вводится в действие с 1 апреля 1926 г. и имеет целью удешевить продажную стоимость этих, не содержащих алкоголя, напитков. Отменены постановления СНК Союза ССР от 17 августа 1923 г. («С. У. РСФСР» 1923 г. № 95, ст. 937), СТО от 7 декабря 1923 г. («С. У. РСФСР» 1924 г. № 16, ст. 153) и ЦИК и СНК Союза ССР от 12 декабря 1924 г. («С. З. СССР» 1924 г. № 29, ст. 257).

5. Постановление СТО от 17 марта о вывозе подакцизных товаров через Борзянскую таможню и Нарымский таможенный пост со сложением акциза («Изв. ЦИК СССР» от 16 апреля, № 87) издано в целях содействия экспорту на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 14 января 1923 г. («С. У. РСФСР» 1923 г. № 3, ст. 60).

6. Постановлением СНК Союза ССР от 23 марта о налоговых льготах, предоставляемых населению Дальне-Восточного края в ознаменование 1-го краевого съезда советов («Изв. ЦИК Союза ССР» от 21 апреля, № 91) сложены: 1) недоимка по сельхозналогу за 1924—25 г. в сумме 200.000 руб. из части, поступающей в доход казны; 2) недоимки, пени и штрафы с рабочего и крестьянского населения, кустарей и ремесленников по общегосударственным налогам и сборам и местным к ним надбавкам, числящиеся на 1 апреля 1925 г. на сумму 300.000 рублей; 3) полностью недоимки, пени и штрафы по государственным налогам и сборам, исключая акцизы и таможенные пошлины и сборы, за время по 1 января 1924 г.

Торговля.

7. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 2 апреля об изменении Таможенного Устава Союза ССР («Изв. ЦИК СССР» от 16 апреля, № 87) внесены в Устав изменения, дополняющие узаконения последнего времени, направленные к борьбе с контрабандным провозом заграничных товаров, либо вытекающие из этих постановлений. Установлено участие финансового ведомства в выработке многих положений, относящихся к таможенному делу. Так устанавливаются Наркомторгом Союза ССР, по соглашению с Наркомфином СССР правила провоза имущества и грузов, следующих при иностранных представителях и т. п. (ст. 242). В том же порядке издаются списки научных учреждений и высших учебных заведений, имеющих право беспопытного получения заграничных научных пособий, книг, приборов и инструментов, необходимых для научных и учебных целей (ст. 243), списки благотворительных организаций, имеющих право беспопытного провоза предметов продовольствия и домашнего обихода и орудий труда, а также списки этих

предметов, привозимых как упомянутыми организациями, так и группами сельскохозяйственных и промышленных иммигрантов (ст. 245). Расширены функции Таможенно-Тарифного Комитета (ст. 8). Значительно изменена ст. 209 Там. Устава, предусматривающая привоз почтовых отправок со вложением предметов, предназначенных для торговли, либо не относящихся к числу разрешенных ко ввозу, либо количество которых превышает в два раза установленную норму. Такие отправки при отсутствии разрешения Наркомторга возвращаются обратно. Если же привезенное количество предметов превышает установленную норму не более, чем в два раза, с излишков взыскивается пятикратная пошлина. В соответствии с этим опущена первая часть прим. к ст. 257 Там. Устава в редакции 12 июня 1925 г. («С. З. СССР» 1925 г. № 10, ст. 291), предусматривавшая возможность выдачи адресатам посылки, преследующих торговые цели.

8. Постановление СТО от 26 марта о Бакинской и Нижегородской ярмарках («Изв. ЦИК СССР» от 16 апреля, № 87) возлагает на Наркомторг заблаговременную подготовку обеих ярмарок. Намечены усиление товарных ресурсов ярмарок, в особенности, в области крестьянских и экспортных в восточные страны товаров, усиление льгот для кустарей и для привоза промышленного сырья, расширение сделок по образцам и на товары, не доставленные на ярмарки в достаточном количестве.

9. Постановлением СНК Союза ССР от 14 апреля об образовании междуправительственных комиссий по снижению розничных цен («Изв. ЦИК СССР» от 21 апреля, № 91) при Наркомторге Союза ССР образована для проведения мероприятий по снижению розничных цен, согласования работы соответствующих ведомств и учреждений в этой области и руководства этой работой междуправительственная комиссия в составе авторитетнейших представителей Наркомторга СССР и Наркомвнуторга РСФСР, ВСНХ СССР и РСФСР, Центрсоюза и ВЦПС. В составе представителей тех же ведомств организуются местные комиссии при наркоматах внутренней торговли союзных республик, при краевых, областных и губернских исполкомах. Центральная Комиссия подотчетна СТО.

Границы Союза.

10. Постановление Президиума ЦИК Союза ССР об объявлении территорий Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане («Изв. ЦИК СССР» от 16 апреля, № 87) объявляет территорией Советского Союза все земли как открытые, так и могущие быть впрямь открытыми, которые находятся в этом океане к северу от побережья Союза до Северного полюса, поскольку до настоящего времени какая-либо из этих земель не признава Советским Правительством, как территория иностранного государства.

Гражданское законодательство.

11. Ст. 7 положения о государственных подрядах и поставках устанавливает право госоргана, сдающего подряд, в случае неуплаты подрядчиком в срок занятым у него рабочим заработной платы им вознаграждения, удовлетворить рабочих из сумм, причитающихся подрядчику. Изданное в развитие этой статьи положения постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 2 апреля о мерах обеспечения правильной выплаты заработной платы рабочим, служащим и крестьянам, занятым на работах у частных лиц и предприятий по исполнению государственных подрядов и поставок («Изв. ЦИК СССР» от 16 апреля, № 87) устанавливает обязанность госучреждений и госпредприятий не производить никаких платежей, кроме первоначального аванса, тем частным подрядчикам и поставщикам, работы которых носят временный характер, с привлечением рабочих, служащих и крестьян не менее 5 человек (заготовка, возка и сплав лесоматериалов, строительные работы и т. п.), до представления контрагентом доказательств, что ими произведен полный расчет за истекшее время и в установленные сроки с рабочими, крестьянами и служащими, выполнявшими эту работу. Только в виде исключения допускается выплата очередного платежа контрагенту и при наличии его задолженности по заработной плате за один расчетный период, с условием, однако, чтобы погашение этой задолженности было произведено из полученного платежа. Доказательствами расчета служат записи в расчетных книжках, удостоверения рабочих организаций и т. п. В случае неисправности контрагента в выдаче заработной платы заказчик имеет право произвести выплату за счет следуемых ему сумм и обеспечивающего подряд или

поставку залога. Последний должен быть пополнен контрагентом в семидневный срок под угрозой расторжения договора. Воспрещено подрядчикам и поставщикам именовать себя в договорах с работающими у них лицами и в документах, им выдаваемых, представителями, уполномоченными, контрагентами учреждений (заказчиков), так как такое наименование естественно вводит в заблуждение неискушенных лиц и они в случае неисправности подрядчика обращаются со своими требованиями к госорганам-заказчикам. Не освобождается контрагент от действия приведенных правил в случае передачи им работы субконтрагенту, т. е. лицу, выполняющему работу по договору не непосредственно с учреждением, а с контрагентом. Правила распространяются и на работы, производимые трудовыми артелями. Установлена уголовная ответственность должностных лиц, нарушающих постановление, а также подрядчиков и поставщиков, имеющих себя представителями заказчиков-госорганов, представивших ложные удостоверения о производстве расчета с работающими у них лицами или употребивших не по назначению полученные для расчета средства.

12. Одновременно изданным постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 2 апреля о дополнении положения о государственных подрядах и поставках («Изв. ЦИК СССР» от 16 апреля, № 87) устанавливается, что залог возвращается подрядчику или поставщику по исправному выполнению ими договора и по представлении доказательств о производстве полного расчета по заработной плате с занятыми у них лицами (прим. 2 к ст. 13).

Уголовное законодательство.

13. Постановлением Президиума ЦИК Союза ССР от 5 марта о дополнении уголовных кодексов союзных республик статьями, вытекающими из признания имеющими силу для Союза ССР Брюссельских конвенций от 23 сентября 1910 г. о столкновении судов и оказании помощи и спасения на море и Парижской конвенции от 14 марта 1884 г. об охране подводных телеграфных кабелей («Изв. ЦИК Союза ССР» от 20 апреля, № 80) предложено ЦИКам союзных республик внести соответствующие дополнения в уголовные кодексы.

Социальное обеспечение.

14. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 19 марта о сроке подачи заявлений о выдаче пенсий работникам просвещения Дальне-Восточного края («Изв. ЦИК СССР» от 16 апреля, № 87) установлено правило, в силу которого все заявления о выдаче пенсий, поданные до 15 августа 1925 г. и признанные в прочих отношениях заслуживающими удовлетворения, дают право на получение пенсий с 1 января 1925 г. Право рассмотрения протестов на постановления президиумов окружных исполкомов по делам о выдаче пенсий предоставлено президиуму краевого исполкома.

15. Постановлением III Всесоюзного Съезда Советов от 20 мая 1925 г. по докладу о Красной армии («С. З. СССР» 1925 г. № 35, ст. 249) предусмотрено было проведение в законодательном порядке особого положения о пенсионном обеспечении начальствующего состава РККА. Во исполнение этого постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 19 марта утверждено и введено в действие положение о государственном обеспечении кадрового начальствующего состава РККА («Изв. ЦИК СССР» от 15 апреля, № 86). Оно распространяется на всех лиц как состоявших на службе до 1 октября 1925 г., так и назначенных на должности кадрового начсостава после этого срока и на всех членов их семей. С того же срока прекращено социальное страхование этих лиц. С изданием положения сохраняются в силе для кадрового начсостава также все льготы и преимущества, установленные действующим законодательством для военнослужащих. Не распространяется положение на лиц, получающих вознаграждение по ставкам, установленным по соглашению с профсоюзами; эти лица должны быть застрахованы.

Установлены различные виды государственного обеспечения: пенсии лицам начсостава, назначаемые как за выслугу лет, так и по инвалидности; пенсии семьям этих лиц в случае их смерти или безвестного отсутствия; выходные пособия и пособия по безработице уволенным с военной службы; единовременные пособия по случаю рождения ребенка и на погребение и бесплатное оказание всех видов медицинской помощи. Последняя оказывается лицам, состоящим на службе, военными и гражданскими лечебными заведениями, а уволенным со службы—гражданскими лечебными заведениями на равных основаниях с лицами, застрахованными в порядке

социального страхования. Прочие виды обеспечения производятся за счет средств государственной казны, за исключением пособий на безработицу, которые выдаются за счет средств социального страхования.

Льготы и преимущества военнослужащих.

16. Постановлением СТО от 17 марта об изменении и дополнении перечня отдаленных местностей, в которых военнослужащие пользуются льготами («Изв. ЦИК СССР» от 20 апреля, № 80), внесены изменения в перечень, утвержденный постановлением СТО от 14 августа 1925 г. («С. З. СССР» 1925 г. № 60, ст. 450) в части, относящейся к Закавказской Федерации.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА Р. С. Ф. С. Р.

Гражданское законодательство.

1. Постановлением СНК РСФСР от 10 апреля о продлении срока оформления муниципализации строений в сельских местностях («Изв. ЦИК СССР» от 20 апреля, № 90) предельным сроком для составления списков назначено 1 мая, а для утверждения этих списков исполкомами—1 июля 1926 г. Заслуживает внимания предложение Прокурору Республики вменить в обязанность местным прокурорам наблюдать за точным соблюдением установленных сроков и опротестовывать все без исключения постановления, их нарушающие.

2. Постановление СНК РСФСР от 26 марта об оплате помещений, занимаемых учреждениями в муниципализированных домовладениях («Изв. ЦИК СССР» от 16 апреля, № 87), изданное в отмену постановления от 13 марта 1924 г. («С. У.» 1924 г. № 24, ст. 244), мотивировано целью перехода к самоокупаемости муниципализированного фонда строений. По размеру ставок оплаты одного квадратного метра занимаемой площади различаются: 1) учреждения, состоящие на государственном и местном бюджете, профессиональные, партийные и др. общественные организации (27—40 коп.); 2) государственные и общественные учреждения, состоящие на хозяйственном расчете, и кооперативные организации (56—67 коп.); 3) частные учреждения и общества, не преследующие цели извлечения прибыли (1 р.), и 4) остальные учреждения, предприятия и организации (от одного рубля и выше, по соглашению с домоуправлением). Если же учреждение или предприятие занимает для своих нужд целое строение, производит ремонт и содержит его за свой счет, ставки оплаты устанавливаются для первой категории—в размере стоимости амортизации строения, для второй категории—в размере той же стоимости и не более трех процентов на затраченный капитал; с третьей категории предельный размер процентов не выше 8. Определяется и размер амортизации: для каменных строений—1 процент, для деревянных и смешанных—два процента. Земельная рента взимается особо. Нормальные ставки применяются лишь при площади, занятой в пределах 3,5 кв. метр. на каждого сотрудника учреждения (в военном ведомстве 4,6 кв. арш.). Излишки оплачиваются в полуторном размере ставок, если эти излишки могут быть технически изъятые; исключение установлено для служебных кабинетов. Не оплачиваются вовсе помещения, занятые профессорами для санаторий, домов отдыха, лечебных и санитарных учреждений, а также предоставленные под дворцы труда. В отношении хозрасчетных учреждений, а также кооперативных организаций постановление вводится в действие с 1 апреля 1926 г.; в отношении же учреждений, финансируемых в местном порядке, а также партийных, профессиональных и общественных организаций—с 1 октября 1926 года. В части изменения арендной платы изменяются и договоры найма помещений.

3. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 5 апреля о национализации и передаче в ведение Народного Комиссариата Земледелия РСФСР переселенческих пунктов бывшего переселенческого управления («Изв. ЦИК СССР» от 21 апреля, № 91) определена юридическая природа переселенческих пунктов, организованных переселенческим управлением на линиях жел. дор. и водных путей сообщения, со всеми строениями и инвентарем. Не составляют исключения и те пункты, которые были ранее признаны муниципализированными. Срок передачи Наркомзему тех пунктов, которые находятся в фактическом владении других ведомств, устанавливается Наркомземом.

4. Постановление СНК РСФСР от 31 марта о передаче в ведение волостных исполнительных комитетов и сельских советов ликвидируемых строений из государственных земельных имуществ и о порядке ликвидации негодного и ненужного имущества советских хозяйств и доходных статей («Изв.

ЦИК СССР» от 21 апреля, № 91) определяет судьбу тех строений в составе госземимущества, которые оказываются ненужными земельным органам для хозяйственного использования. Они передаются соответствующему волсполкому или сельсовету для использования на общественные (напр., культурно-просветительные) нужды.

Всякое другое имущество совхозов и доходных статей, негодное или ненужное для хозяйственного использования, ликвидируется, вырученная сумма обращается на усиление основного капитала тех же совхозов и доходных статей.

Социальное обеспечение.

5. Постановление СНК РСФСР от 31 марта о пенсионном обеспечении лиц медицинского персонала, работающих по борьбе с эпидемиями («Изв. ЦИК СССР» от 20 апреля, № 90) издано в развитие постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1925 г. о профессиональной работе и правах медицинских работников («С. У.» 1924 г. № 88, ст. 892). Специально командированный на временную работу по борьбе с эпидемиями персонал, помимо сохранения заработной платы по основной службе, получает суточные в повышенном размере. На этот же персонал распространены правила, установленные НКТ Союза ССР от 3 января 1924 г. о нормах обеспечения инвалидов труда, стойкая нетрудоспособность которых произошла от трудового увечья, а также членов семей рабочих и служащих, умерших от увечий («С. У.» 1924 г. № 21, ст. 211).

Переселение.

6. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 22 марта о плановом переселении в 1925—26 г. («Изв. ЦИК СССР» от 16 апреля, № 87) изменено постановление по тому же предмету от 17 августа 1925 года («С. У.» № 57, ст. 453). Наркомзем РСФСР уполномочен определить реальные контингенты переселенцев по отдельным районам в зависимости о размеров наличного колонизационного фонда и пригодности его для немедленного заселения. Также разрешено Наркомзему РСФСР изменить установленную разверстку контингентов по районам выхода.

Лесное дело.

7. Постановление ЭКОСО РСФСР от 20 марта о дополнении п. 24 инструкции о порядке отпуска леса на корне и его оплаты примечанием, предоставляющим право пользования соло-вексельным обеспечением («Изв. ЦИК СССР» от 17 апреля, № 88) предоставляет это право государственным лесозаготовителям (лесным трестам). Список их устанавливается ежегодно Комиссией при НК РК РСФСР.

Просвещение.

8. Постановление СНК РСФСР от 31 марта о порядке пользования материалами Центрального Архива РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 21 апреля, № 91) устанавливает правила пользования архивными материалами для нужд государственных и общественных учреждений и организаций, а также частных лиц.

Коммунальное дело.

9. Постановлением СНК РСФСР от 26 марта утверждена инструкция о порядке производства ремонта и содержания мостовых против владений государственных бюджетных учреждений («Изв. ЦИК СССР» от 20 апреля, № 90), изданная на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 1 февраля 1926 г. о порядке устройства и содержания мостовых и тротуаров в городских поселениях («С. У.» № 8, ст. 56). Она устанавливает обязанность органов коммунального хозяйства производить этот ремонт за счет учреждений по себестоимости работ.

Административное деление.

10. Постановлением Президиума ВЦИК от 5 апреля («Изв. ЦИК СССР» от 20 апреля, № 90) дополнено постановление Президиума ВЦИК от 4 января 1925 г. об образовании и районировании Дальне-Восточного края.

11—12. Постановлениями Президиума ВЦИК от 29 марта («Изв. ЦИК СССР» от 16 апреля, № 86) внесены изменения в постановления от 25 мая 1925 г. об образовании Сибирского края («С. У.» № 38, ст. 268) и от 15 марта 1926 г. о городах Дальне-Восточного края.

М. Брагинский.

Из деятельности Наркомюста. В Коллегии НКЮ.

Время созыва VI Съезда Деятелей Юстиции РСФСР.

Коллегия НКЮ постановила созыв VI Съезда Деятелей Юстиции РСФСР отложить на осень, на первую половину ноября.

Проект изменения главы 29 ГПК о пересмотре судебных решений.

Коллегия НКЮ постановила принять проект изменения главы 29 ГПК. Новая редакция главы будет дана в одном из ближайших номеров.

Плановая комиссия НКЮ.

В целях конкретной проработки плановой работы на ближайшее трехлетие Коллегия НКЮ постановила организовать плановую комиссию в составе: председателя—т. Крыленко и членов—т.т. Бранденбургского, Чистякова и Стучка с правом замещения.

Судебные исполнители.

В виду того: 1) что при рассмотрении смет ГИК'ов более 20 исполнителей, содержащихся на местные средства,

сняты с таковых, как состоящие в штатах губсудов, содержащихся на госбюджете; 2) что при все возрастающем количестве гражданских дел для приведения в исполнение решений по ним, числа имеющихся штатных судисполнителей не хватает; 3) что управление местными финансами, сняв с местных средств судисполнителей, высказалось за передачу их содержания на госбюджет, и, принимая во внимание запросы с мест, Коллегия НКЮ сочла необходимым возбудить перед СНК ходатайство об удвоении числа судебных исполнителей, содержащихся на госбюджете, на будущий бюджетный год.

Имущественная ответственность учреждений за неправильные действия должностных лиц.

Коллегия НКЮ поручила Отделу Законодательных Предположений совместно с Верховным Судом РСФСР и Отделом Суд. Управления составить проект законодательных изменений соответствующих статей закона в направлении установления имущественной ответственности учреждений за неправильные и преступные действия должностных лиц, ограничив ответственность случаями явного нарушения интересов трудящихся масс или по возможности точным перечислением случаев, по которым ответственность и лиц и учреждений обязательна.

Из деятельности Верховного Суда РСФСР. Определения гражд. касс. коллегии.

По кассжалобе жилищно-строительного кооператива рабочих и служащих Мосгорбанка на реш. Моск. губсуда по иску кассатора к газете «Экономическая Жизнь».

Жилищно-строительный кооператив рабочих и служащих Мосгорбанка, получив по договору с МУНИ от 5 мая 1925 г. на право застройки домовладение № 16 по Петровке, предложив газете «Экономическая Жизнь», занимающей в названном доме помещение под магазин, вносить за него плату в правление кооператива по тарифу-минимум без установленной Моссоветом скидки для госучреждений. В виду отказа газеты вносить плату по новому тарифу правление кооператива обратилось в Московский губсуд с иском о выселении магазина «Экономической Жизни» из занимаемого им в доме № 16 по Петровке помещения и о взыскании с ответчика 5.959 руб. 02 коп. арплаты и 13.945 руб. пени. Московский губсуд в заседании от 23 сентября 1925 г. нашел, что: 1) согласно общей политике советского законодательства в отношении права застройки и п. 12 договора истец, как застройщик, имеет право самостоятельной хозяйственной эксплуатации нежилых помещений без обязательства соблюдать какие-либо ограничительные нормы в отношении размеров арплаты, взимаемой с субарендаторов, поэтому требование истца о взыскании арплаты в сумме 5.359 р. 02 к. подлежит удовлетворению; 2) пеня в 13.945 руб. является чрезмерной и она должна быть уменьшена до 3.000 руб. В виду изложенного губсуд определил взыскать с ответчика в пользу истца 5.359 руб. 02 коп. арплаты, неустойку в 3.000 р., и, кроме того, суд. издержки в сумме 1.160 р. 24 к. и 300 руб. на вознаграждение поверенного истца. Дополнительным решением от 29 октября 1925 г. губсуд отказал истцу в его требовании о выселении магазина ответчика из занимаемого им помещения за отсутствием поводов к выселению, предусмотренных ст. 171 ГПК.

По кассжалобам истца и ответчика дело перешло на рассмотрение Верховного Суда по Г. К. К., который в заседании от 5 января 1926 г. вынес следующее определение:

«Рассмотрев кассационные жалобы истца и ответчика Г. К. К. находит: 1) что истец, жилищно-строительный кооператив, получил домовладение, в котором ответчик занимает торговое помещение, по договору застройки от 5 мая 1925 г., а так как договор застройки в силу 72 ст. ГК должен быть заключен под страхом недействительности в нотариальном порядке, то право застройки у истца возникло лишь с момента оформления договора в нотариальном порядке.

2. То обязательство, что истец по договору застройки с МУНИ оговорил начало течения срока договора не с момента оформления договора 5/V, а с 17 января того же 1925 г., обязательно лишь для сторон, участвующих в этом договоре, и не может быть обязательным для третьих лиц, в договоре не участвующих.

3. Ответчик занимал в 1925 г. спорное помещение на основании 154 ст. ГК с молчаливого согласия наймодателя МУНИ, и последнее вправе передать свои права на спорное помещение другому лицу, независимо от заключения им или не заключения в будущем договора застройки или аренды. Однако, такая передача прав не могла создать для истца по настоящему делу больше прав, чем имело МУНИ, поэтому истец мог требовать с ответчика арендную плату до 5/V—25 г. лишь в том размере, который установлен для ответчика соответствующими постановлениями Моссовета со всеми установленными для ответчика снижениями арендной платы.

4. Переход права на домовладение по праву застройки в смысле 169 ст. ГК должен рассматриваться как переход имущества по праву собственности от наймодателя к дру-

гому лицу, в силу той же 169 ст. ГК договор найма при переходе права собственности сохраняет свою силу для нового собственника, однако, в силу специального закона (постановление ВЦИК и СНК от 8/XII—1924 г. «С. У.» за 1924 г. № 90, ст. 914) в изъятие из правил, установленных 166 ГК, под действие которой подходит ответчик, застройщику предоставляется право взимать плату за помещения по соглашению с арендатором независимо от установленных местным исполкомом норм и льгот.

5. В виду этого исключительного закона истец мог требовать арендную плату без учета установленных ответчику льгот, но, однако, не ранее оформления договора. Ответчик же, арендующий помещение по договору, заключенному на неопределенный срок (155 ст. ГК), если находил для себя арендную плату слишком высокой, мог отказаться от дальнейшей аренды, в противном случае обязан платить плату в размере, предложенном истцом, или в случае спора, установленном судом.

6. На основании примечания 2 к ст. 141 ГК соглашение о неустойке должно быть совершено в письменной форме независимо от суммы и формы, в какую облечен договор.

Пеня, как это разъяснено пленумом Верховного Суда в циркуляре № 33—1924 г., рассматривается как неустойка, а так как между сторонами никакого соглашения о неустойке (пени) не было, то у суда не было никакого основания для взыскания неустойки с ответчика. Постановление Моссовета от 12/I—1924 г. в п. 13 и последующие постановления, устанавливающие взимание пени (неустойки по закону) с неисправных арендаторов, относятся лишь к тем арендаторам, которые занимают помещение непосредственно у МУНИ, и постановления эти, как закон исключительный, не подлежат распространительному толкованию, как это сделал по данному делу губсуд, распространяя это исключительное право МУНИ на застройщика. На основании 46 ст. ГПК и примечания к ней истец имеет право на возмещение понесенных им судебных расходов пропорционально присужденной сумме иска, при чем в эту сумму включается как сумма, непосредственно взысканная судом, так и все платежи по тем же обязательствам, кои положены в основание иска, произведенные добровольно в течение судебного процесса, если между сторонами в отношении добровольно уплаченных сумм не состоялось и не представлено суду особого соглашения, освобождающего ответчика от обязанности возмещать понесенные истцом судебные расходы, в равной мере и ответчик имеет право на возмещение судебных расходов и расходов по оплате представителя пропорционально той части иска, в удовлетворении которой отказано, губсуд же, взыскав с ответчика лишь половину исковой суммы, в нарушение 46 ст. ГПК присудил судебные расходы со всей цены иска.

8. Что же касается жалобы истца на отказ в части иска о выселении, то принимая во внимание, что право истца на требование о выселении возникло лишь с момента оформления договора застройки 5/V—1925 г., что между сторонами имелся спор о размере арендной платы и что ответчик начал вносить арендную плату с 9/VI—1925 г., т.-е. до истечения двухмесячного срока, установленного п. 3 171 ст. ГК, надлежит признать решение в этой части правильным.

На основании изложенного ГПК определяет: решение Московского губсуда от 23/IX—1925 г. в части размера арендной платы, неустойки и распределения судебных издержек отменить и передать на новое рассмотрение в тот же губсуд в ином составе, в части отказа в выселении дополнительное решение от 29/X—1925 г. оставить в силе.

(Определение по делу № 34.695)

Определения угол. касс. коллегии.

По кассжалобе Даугле и друг. на приговор Калужского губсуда, осужденных по ст.ст. 105, ч. 1, и ст. 108, ч. 1, УК.

Приговором Калужского губсуда от 25—27 января 1926 г. были осуждены следующие лица:

Даугле, Николай Александрович, 36 лет, техник, несудимый, признан виновным по ст. 105, ч. 1, и ст. 108, ч. 1, УК и приговорен по совокупности к полугоду годов лишения свободы без строгой изоляции и без поражения в правах;

Краснопольский, Максим Васильевич, 44 лет, с низшим образованием, несудимый, и

Козленков, Яков Дмитриевич, 41 года, грамотный, несудимый, были признаны виновными по ст. 108, ч. 1, и приговорены по применению ст. 28 УК к восьми месяцам лишения свободы каждый.

Тем же приговором обвинявшиеся по ст. 108, ч. 1, Иванов и Дмитриев и по ст. 113, ч. 1, Козленков, Иван, и Попов были признаны по суду оправданными.

Все указанные выше лица, как осужденные, так и оправданные, были служащими Мятлевского государственного маслобойного завода, при чем Даугле занимал должность управляющего заводом.

Обвинение по приговору в отношении осужденных было сформулировано следующим образом:

«Даугле, Николай Александрович, занимая должность с 1 марта 1922 г. по 1 сентября 1924 г. управляющего Мятлевским государственным маслобойным заводом, принадлежащим Калужскому архиепископату, и пользуясь своим служебным положением, заведомо зная тяжелое финансовое положение маслобойного завода, деятельность которого неоднократно приостанавливалась за отсутствием средств, непроизводительно израсходовал на командировки получаемые денежные авансы, пользуясь проездом в мягких вагонах, допуская разъезды по городу на извозчиках, вопреки постановления НКТ и СНК, чем причинил названному госпредприятию ущерб в сумме 1.060 р. 87 к., во-вторых, состоя в то же время в той же должности, проявил преступную халатность в руководстве доверенным ему предприятием, благодаря чему имели место недостачи 96 куб. саж. дров, материалов на 886 р. 43 коп., жмыха 3.393 п. 17 ф. и семян 394 пуда.

Краснопольский, Максим Васильевич, занимая с 1921 г. по 1 апреля 1924 г. должность заведывающего складом топлива Мятлевского государственного маслобойного завода, работая на заводе в дореволюционное время, систематически проявлял халатное и небрежное отношение к службе выразившееся в том, что при приемке дров, доставляемых из рощи на склад завода, не имел должного наблюдения за выкладкой дров, вследствие чего за время его службы явилась недостача 96 куб. саж. дров, чем был нанесен ущерб заводу.

Козленков, Яков Дмитриевич, занимая с 1 марта 1922 г. по 1 января 1924 г. должность заведывающего жмыховым складом Мятлевского госмаслобойного завода, работая на заводе и в дореволюционное время, систематически проявлял халатное и небрежное отношение к службе, не следя за правильным и точным учетом жмыха, не заботясь составлением актов о поступлении жмыха, его раструске, распыле, следствием чего явилась недостача 3.393 п. 17 ф., чем нанес ущерб государству».

В отношении оправданных приговор устанавливает:

«Что же касается предельного обвинения гр. Иванова, Семену Степановичу, по ст. 108 с санкцией по 1 ч. 105 ст. УК в том, что он заведывал материальным складом Мятлевского госмаслозавода в период с 1921 г. по 1925 г., халатно отнесся к вверенному ему по службе заводскому имуществу, в результате чего явилась недостача материалов на складе на сумму 886 р. 43 к., Козленкову, Ивану, и Попову, Петру, по 1 ч. 113 ст. в том, что Козленков, занимая должность заведывающего семенным складом Мятлевского госмаслозавода с 1 окт. 1922 г. по 1 октября 1923 г., и Попов, занимая ту же должность с 1 октября 1923 г. по 1925 г., произвели растрату вверенного им в силу служебного положения семени коноплянного и горчичного в количестве 394 пуда, а также Дмитриеву, Семену, по ст. 108 УК с санкцией по 1 ч. 105 ст. УК в том, что, занимая должность в технической части Мятлевского госмаслозавода в качестве заведывающего его с 15 сентября 1923 г. по 18 июля 1924 г., халатно отнесся к расходованию дров в производстве, в результате чего явилась недостача 96 куб. саж.

дров на складе топлива, коим заведывал Краснопольский, считать недоказанным, так как со стороны Иванова, Козленкова, Ивана, и Попова усматривается лишь служебный проступок — недосмотр, без проявления злой воли, а потому преступление Иванова, Козленкова, Ивана, и Попова предусматривается ст. 108 ст. с санкцией по 2 ч. 105 ст. УК, со стороны Дмитриева суд не находит состава преступления, так как в производстве им, Дмитриевым, дрова расходовались правильно».

На этот приговор всеми осужденными была подана кассационная жалоба, в которой они, между прочим, указывают на следующее:

1. Даугле не может отвечать в уголовном порядке за преступную халатность подчиненных ему лиц, так как он непосредственно не проверял и не имел возможности проверять их действия. Даугле, как управляющий заводом, главным образом, руководил коммерческой деятельностью завода, ведал изысканием средств, сырья и сбытом продукции завода. Внутренним же распорядком ведал заместитель управляющего и заведующий технической частью завода. Между тем, заместитель его даже не привлекался, а зав. техчастью оправдан.

2. Разъезды в мягких вагонах и на извозчиках были вынужденные и делались исключительно для пользы завода, об этих расходах знали контролирующие органы и преступления в этих расходах не находили.

3. Как явствует из самого приговора, в отношении Козленкова, Якова, суд установил не реальную, а формальную недостачу. Если принять во внимание усушку, утруску и проч., то недостачи может не оказаться вовсе или оказаться значительно меньше.

Уголовная кассационная коллегия, рассмотрев дело в заседании от 24 марта 1926 года в составе: председательствующего Глазмана и членов — Георгиевой и Гайшпуйта, выслушав объяснения защиты в лице члена коллегии защитников Лидова и заключившие пом. прокурора УЖК Андреева, — вынесла следующее определение:

«Деяния осужденного Даугле, выразившиеся в расходах на извозчиков и поездка по делам службы в мягких вагонах, не заключают в себе состава преступления, так как по означенным расходам он не предъявлял фиктивных документов, не скрывал их, расходы проверялись ревизионной комиссией, поэтому может идти речь о чистоте этой суммы на Даугле и на лиц, контролировавших его расходы, обвинение же Даугле по ст. 108 ст. с санкцией по 1 ч. 105 ст. УК не вытекает ни из приговора, ни из материалов дела, так как обвинение его в халатности, выразившейся в преступно-халатном отношении подчиненных ему лиц, логически неправильно, ибо он, как руководитель предприятия, не может отвечать в уголовном порядке за непосредственно небрежностное отношение к служебным обязанностям своих подчиненных, а лишь в дисциплинарном, в части же, касающейся ответственности его за действия Иванова, Козленкова и Попова, явно противоречат приговору, ибо лица эти по приговору оправданы, посему в деяниях Даугле не усматривается признаков преступления, подлежащего разрешению в уголовном порядке, так равно в отношении Козленкова, приговор устанавливает лишь формальные признаки, а не реальный ущерб, ибо указывает, что недостача образовалась вследствие несоответствия актов на раструску и усушку, поэтому в деяниях Козленкова есть лишь проступок, подлежащий разрешению в дисциплинарном порядке; посему на основании 418 ст. УПК приговор в отношении Даугле и Козленкова отменить и дело о них в силу п. 5 ст. 4 УПК в уголовном порядке производством прекратить и в виду того, что они отбыли предварительное заключение около двух месяцев, дисциплинарного дела о них не возбуждать и из-под стражи немедленно освободить. В остальном приговор оставить в силе, но, принимая во внимание мотивы, изложенные в приговоре в отношении Краснопольского, что пребывание его на свободе не представляет никакой опасности, что никаких личных видов или корыстных целей он не преследовал, что он отбыл в предварительном заключении около двух месяцев, войти с ходатайством в Президиум ВЦИК о замене ему оставшегося срока безусловного лишения свободы условным осуждением на тот же срок с испытательным сроком в три года.

(Определение по делу № 21.702).

В Совнарком РСФСР.

Проект положения об условиях труда на сезонных работах.

Совнарком РСФСР одобрил разосланный СНК СССР на заключение союзных республик по представлению Наркомтруда СССР проект положения об условиях труда на сезонных работах, согласно которого сезонными считаются работы, которые, находясь в зависимости от природных и климатических условий, начинаются и заканчиваются на протяжении определенного периода времени продолжительностью не более восьми месяцев.

Перечень работ сезонного характера по отдельным отраслям промышленности устанавливается Наркомтрудом СССР по соглашению с ВЦПС и соответствующими заинтересованными ведомствами.

Условия труда работников, занятых на сезонных работах, регулируются действующим в данном предприятии, учреждении или хозяйстве коллективным договором или отдельными коллективными договорами.

Трудовой договор при найме на сезонные работы может быть заключен: а) на весь сезон или часть его, б) на определенный срок, но не далее конца сезона и в) на время выполнения какой-либо работы также не далее конца сезона.

Всякий трудовой договор может быть расторгнут нанявшимся с предупреждением нанимателя за три дня.

Наниматель может уволить нанятого на сезонные работы рабочего или служащего: вследствие истечения срока найма, окончания сезона или обусловленной в договоре работы. Увольнение до истечения указанных сроков, в частичное изменение действующих узаконений, допускается: а) вследствие приостановки работ на срок более двух недель по причинам производственного характера; б) в случае обнаружившейся непригодности нанявшегося к работе; в) в случае систематического неисполнения нанявшимся, без уважительных причин, обязанностей, возлагаемых на него договором или правилами внутреннего распорядка; г) в случае привлечения нанявшегося к уголовной ответственности за совершение преступления, непосредственно связанного с его работой, а также в случае пребывания нанявшегося под стражей более двух недель; д) в случае неявки на работу более трех дней в месяц без уважительных причин и е) в случаях неявок по болезни на работу нанявшегося с момента поступления его на работу в общей сложности в течение одного месяца (24 рабочих дня).

В случаях, когда на сезонных работах по природным и техническим условиям требуется в течение определенного периода времени особо усиленная работа, допускается введение по соглашению нанимателя с профсоюзом на определенный срок удлинение рабочего дня для всех групп сезонных рабочих. Оплата удлиненного рабочего дня должна быть предусмотрена при установлении заработной платы. Сроки удлинения рабочего дня, а также размер и порядок оплаты устанавливаются по соглашению между нанимателем и соответствующим профсоюзом. Продолжительность рабочего дня не может превышать при этом сроков, устанавливаемых законодательством союзных республик. Служащие работ, на которых может вводиться удлиненный рабочий день, устанавливаются наркомтрудами союзных республик.

Размер вознаграждения сезонных рабочих определяется коллективными и трудовыми договорами, но не может быть ниже государственного минимума заработной платы, устанавливаемого НКТ СССР для данной местности. Оплата труда подростков производится в соответствии с продолжительностью установленного для них рабочего дня. Сроки выдачи вознаграждения устанавливаются соглашением сторон, при чем расчет должен производиться, во всяком случае, не реже двух раз в месяц.

Рабочие и служащие, увольняемые вследствие приостановки на срок более двух недель или сокращения работ в предприятии, если они проработали более одного месяца, должны быть предупреждены за неделю до увольнения, в случае непредупреждения им выдается выходное пособие в размере недельного среднего заработка. Оставляющие работу вследствие неполучения в срок установленного договором вознаграждения, нарушения нанимателем принятых на себя обязанностей по договору имеют право на получение выходного пособия в размере недельного среднего заработка. В остальных случаях увольнения нанявшегося предупреждение об увольнении или выдача выходного пособия не про-

изводится. Лица, принятые на сезонную работу правом на отпуск или заменяющую его компенсацию не пользуются.

Все остальные вопросы, вытекающие из договора трудового найма, регулируются в общем действующим законодательством и находятся в соответствии с Кодексом законов о труде.

Проект положения об условиях труда на временных работах.

Совнарком РСФСР одобрил присланный на заключение СНК Союза ССР законопроект об условиях труда на временных работах. Основные положения этого проекта сводятся к следующему.

Временными работами считаются работы, продолжающиеся не более трех месяцев. Нанимаемые на временные работы рабочие и служащие должны быть при самом найме осведомлены, что они нанимаются именно на временную работу. Правила, устанавливаемые законопроектом, не распространяются на случаи: а) если нанятый на временные работы проработал свыше трех месяцев, вследствие последовательного возобновления заключенного с ним трудового договора на новые сроки без перерыва в работе; б) если нанятый на временные работы до истечения трехмесячного срока затем вновь нанимается для продолжения или окончания тех же работ при условии, чтобы перерыв в работе не превышал семи дней. Во всех перечисленных случаях работы не считаются временными, а стаж работы нанявшегося исчисляется с момента первоначального возникновения трудовых отношений.

Наниматель вправе уволить нанятого на временную работу рабочего или служащего, по обязан предупредить его накануне увольнения, а при отсутствии предупреждения — уплатить дневной средний заработок. При найме рабочего или служащего на временную работу длительностью менее шести дней предупреждение необязательно.

Размер заработной платы определяется соглашением сторон и не может быть ниже обязательного минимума оплаты, определяемого на каждый данный период подлежащими государственными органами. Если продолжительность временной работы, производимой без перерывов, превышает одну неделю, то заработная плата должна выплачиваться не реже одного раза в неделю, во всех других случаях, в том числе и при выполнении определенной работы (аккорд), оплата заработка производится немедленно по окончании работы.

Производство работ в праздничные дни, в особые и еженедельные дни отдыха допускается лишь с соблюдением установленных правил. Плата за работу в эти дни не повышается против обусловленного размера заработной платы только в том случае, если это было оговорено при найме и если при этом временная работа продолжается не свыше шести дней. В этих случаях также необязательно сокращение рабочего времени накануне вышеупомянутых дней.

Лица, нанятые на временные работы, правом на отпуск или заменяющую его компенсацию не пользуются.

Коллективные договоры распространяются на временные работы лишь в том случае, если это специально предусмотрено в данном договоре.

Условия труда на временных работах в случаях, не предусмотренных в настоящем законопроект, регулируются действующими общими и специальными узаконениями.

Проект дополнения Гражд. Проц. Кодекса главой о производстве по восстановлению прав по утраченным документам на пред'явителя (вызывное производство).

Постановлением Президиума ЦИК и СНК Союза ССР от 27 ноября 1925 г. утверждено и введено в действие положение о государственных трудовых сберегательных кассах («С. З.» 1925 г. № 81, ст. 611—612).

Ст. 37 этого положения устанавливает, что в случае утраты пред'явительской сберегательной книжки восстановление этого документа может иметь место исключительно по судебному о том определению в порядке особого производства по утраченным документам на пред'явителя (вызывного производства).

В виду этого и в силу ст. 3 постановления об утверждении названного положения, Президиум ВЦИК поручил

Наркомюсту внести в законодательные органы проект дополнения ГПК правилами вызывного производства.

Во исполнение названного поручения Наркомюст представил в СНК РСФСР проект дополнения ГПК главой 27-а «О производстве по восстановлению прав по утраченным документам на предъявителя (вызывное производство)».

Согласно представленного НКЮ проекта, правила вызывного производства могут применяться исключительно лишь в отношении тех видов документов, на которые порядок вызывного производства распространен специальными узаконениями, и заключаются они в следующем.

Лица, заинтересованные в признании документа уничтоженным, подают заявление в нарсуд, по месту нахождения учреждения или лица, выдавшего документ. В заявлении должно быть указано: точное наименование заявителя и его место жительства, копия утраченного документа или его наименование и отличительные признаки этого документа, обстоятельства, при которых произошла утрата и просьба о признании документа утраченным.

Народный судья, признав, что представленными доказательствами устанавливается факт утраты документа, выносит определение о производстве публикации о поступившем в суд заявлении об утрате документа с вызовом держателей этого документа в суд в трехмесячный со дня опубликования срок и о воспрепятствовании обязанностям по документу лицам производить платежи по нему. Публикация производится за счет заявителя один раз в официальном органе местного исполнительного комитета и должна содержать в себе: а) имя, отчество, фамилию и местожительство заявителя; б) наименование и отличительные признаки документа; в) об утрате которого поступило заявление в суд, и г) срок, в течение которого держатели означенного документа должны подать в суд заявление о своих правах по этому документу.

Держатель утраченного документа обязан до истечения указанного в публикации срока подать в нарсуд, вынесший

определение, заявление о том, что он является держателем документа, и представить при этом документ в подлиннике или заверенной копии. Если в течение назначенного судом срока такого заявления в нарсуд не поступит, последний выносит определение о признании всех прав по утраченному документу уничтоженными и об обязанности лица, выдавшего утраченный документ, выдать заявителю новый документ взамен утраченного.

В случае, если от держателя утраченного документа заявление поступит в нарсуд до истечения указанного в публикации срока или хотя и после этого срока, но до вынесения нарсудом определения о признании прав по документу уничтоженными, нарсудья постановляет определение, которым предоставляет лицу, заявившему об утрате документа, срок (не свыше двух месяцев) на предъявление к держателю этого документа иска в общем порядке об истребовании утраченного документа, о чем извещается и держатель документа.

В случае, если заявитель не предъявит к держателю документа иска в установленный судом срок, меры, принятые судом о запрещении обязанностям по утраченному документу лицам производить по нему платежи, теряют силу, а держатель документа получает право на взыскание с заявителя убытков, причиненных ему вследствие принятия судом этих мер.

Держатель утраченного документа, не заявивший по какому-либо причине своевременно о своих правах по этому документу, по вступлении определения суда о признании прав по нему уничтоженными в законную силу, может предъявить в этом же суде к лицу, за которым признано право на получение нового документа, взамен утраченного, иск о незаконном обогащении.

Определения нарсуда по этим делам могут быть обжалованы в общем порядке в губсуд.

М. Совнарком принял этот проект в редакции Наркомюста.

В институтах и обществах.

БЮРО ЮРИСКОНСУЛЬТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИ ИНСТИТУТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НКФ СССР.

Существующее с 24 апреля 1922 г. бюро служит целям объединения в научном и практическом отношениях работы юрисконсультов и консультантов государственных и хозяйственных учреждений и предприятий, кооперативных организаций и акционерных обществ.

В задачи бюро входит: а) обсуждение и дача письменных заключений по всем спорным вопросам юридического характера, возникающим в текущей работе названных учреждений, организаций, и б) постоянная информация экономических учреждений и организаций о законодательном и инструкционном материале, регулирующем их деятельность, а также систематизация этого материала.

В бюро участвуют около 400 юрисконсульты, представляющих крупнейшие экономические учреждения и организации. Бюро обладает обширной справочной частью, получает все большие газеты и журналы и имеет библиотеку, представляющую значительное собрание изданий справочного и теоретического характера в областях законодательства и юриспруденции. Ежедневно юрисконсульты могут получать в бюро справки по текущему законодательству по телефону.

Раз в неделю читаются доклады по вопросам современного права и законодательства, а по пятницам созываются консультационные совещания, в которых при участии специалистов разбираются спорные вопросы, вызывающие затруднения в повседневной работе юрисконсульты.

Работа бюро находится в тесной связи с общим развитием хозяйственно-правовой жизни страны. Все наиболее жизненные вопросы находят себе освещение в работе бюро. Вопросы гражданского права, в частности, акционерного, процессуальные проблемы, трудовое законодательство, промышленное право, жилищные нормы, земельные, налоговые законы и другие служат предметом обсуждения в совещаниях бюро.

В течение 1925 года состоялось 36 общих собраний бюро, на которых было заслушано 35 больших докладов. Консультационных совещаний было также 36.

В связи с оживлением международных сношений и допущением целого ряда предприятий к выходу на внешний рынок, а также в связи с пробудившимся среди юристов-практиков интересом к сравнительному законоведению при бюро образовалась комиссия иностранного и международного частного права.

ХРОНИКА.

Льготы жилищно-строительной кооперации.

Образованная по заданию СНК РСФСР при Госплане специальная комиссия для рассмотрения практических предложений, вынесенных первым съездом уполномоченных Центрожилсоюза, признала необходимым в целях снижения накладных расходов по домовому хозяйству отменить с начала нового бюджетного года взимание оценочного сбора в городах с домов, предоставленных жилищной кооперации,

жилтовариществам, госучреждениям, а также общественным и партийным организациям.

Необходимо также ограничить почтенную плату за отводимые жилстроительным кооперативам лесосекл такой 1914 года с торговой наждачей того же года. Оплата должна быть произведена следующим образом: 50%—в первый год по получении лесосек, 50%—в следующие 15 лет равными частями.

Порядок регистрации уставов жилищно-строительных и жилищно-арендных кооперативных товариществ.

Регистрация уставов рабочих жилищно-строительных и жилищно-арендных кооперативных товариществ и единых союзов жилищной кооперации производится на основании инструкции НКВД № 654 от 11/XII—1925 г. («Бюлл. НКВД» 1925 г. № 47).

Для образования жилищно-арендного кооперативного товарищества требуется согласие не менее половины числа лиц, проживающих в данном домовладении, пользующихся избирательным правом, в количестве во всяком случае не менее десяти человек.

Для образования рабочего жилищно-строительного кооперативного товарищества требуется объединение не менее 10 лиц, являющихся: 1) рабочими и служащими государственных, профессиональных, партийных и кооперативных учреждений и предприятий, а также лиц, работающих по найму у частных лиц и объединений; 2) безработными рабочими и служащими, инвалидами войны, а также инвалидами труда из числа рабочих и служащих, если все эти лица пользуются избирательными правами.

Для образования общегражданского жилищно-строительного кооперативного товарищества требуется объединение не менее 10 лиц из числа всех граждан, достигших 18-летнего возраста и не лишенных по суду гражданских имущественных прав, а также юридических лиц.

Для организации союза жилищной кооперации требуются постановления об этом общих собраний не менее трех жилищных кооперативных товариществ всех видов, т.е. жилищно-арендных, рабочих и общегражданских строительных кооперативных товариществ (нормальный устав союза жилищной кооперации § 71 п. «б») («Бюлл. НКВД» № 21 1925 г.).

Жилищно-кооперативные товарищества и союзы жилищной кооперации образуются на основании уставов, которые должны соответствовать утвержденным нормальным уставам и подлежат регистрации в установленном порядке.

Регистрация уставов жилищных кооперативных товариществ всех видов производится в губернских (или соответствующих им) городских (в губ. городах) и окружных (где произведено районирование) союзах жилищной кооперации, по месту возникновения товариществ, а там, где союзы не образованы, — в губернских или окружных отделах местного хозяйства (коммунальных). Регистрация уставов единых городских и губернских (или соответствующих им) союзов жилищной кооперации производится в Центральном Союзе Жилищной Кооперации РСФСР («Центрожилсоюзе»).

Регистрация уставов производится в явочном порядке и в регистрации не может быть отказано, если уставы товариществ или союзов соответствуют нормальным уставам жилищных кооперативных товариществ всех видов, утвержденным НКВД, НКТ и НКЮ и зарегистрированным в НКВД РСФСР 23 марта 1925 года за № 164, 165 и 166 и союза жилищной кооперации 19 мая 1925 г. за № 273. Допускаются отступления от вышеуказанных нормальных уставов, не противоречащие действующему законодательству, и наличие таких отступлений не может служить основанием для отказа от регистрации уставов.

Представленный для регистрации устав должен быть зарегистрирован в месячный срок со дня подачи заявления о регистрации его. Если в течение месячного срока не состоится постановления о регистрации представленного устава или об отказе в таковой, то он считается зарегистрированным и подлежит немедленному внесению в реестр.

В месячный срок со дня получения извещения об отказе в регистрации устава подавший заявление кооперативная организация может принести жалобу на отказ.

В трехдневный срок со дня постановления регистрирующего органа о регистрации товарищества или союза, равно как об изменении и дополнении устава, в реестре производятся соответствующие записи. С этого момента союз, устав которого зарегистрирован, приобретает право юридического лица.

В семидневный срок по совершении регистрации уставов жилищно-кооперативных товариществ правление союза или отдел местного хозяйства должны сообщить о произведенной регистрации местному административному отделу, а правление «Центрожилсоюза» по совершении регистрации союзов жилищно-кооперации — в Наркомвнутдел, с приложением одного экземпляра устава с подписью о регистрации и списка учредителей.

Законопроект о родительских правах.

В НКЮ РСФСР разработан проект постановления ВЦИК о родительских правах.

Согласно этому постановлению, родители, не выполняющие своих обязанностей или жестоко обращающиеся со своими детьми, судом могут быть лишены родительских прав. Суд может также передать детей на попечение органов опеки и попечительства, родители же этих детей не освобождаются от обязанностей материального содержания последних.

Дела о лишении родительских прав подсудны народному суду и могут быть возбуждаемы как представителями государственной власти, так и частными лицами. Ходатайство о восстановлении родительских прав не может быть возбуждено лишенными этих прав до истечения годичного срока.

Настоящее постановление должно войти в Кодекс об актах гражданского состояния.

Удовлетворение обеспеченных залогом требований кредитных учреждений.

Циркуляром Госбанка от 3 февраля 1926 г. № 70 («В. Ф.» 1926 г. № 42/224) предложено его отделениям принять к руководству: 1) во всех случаях обращения взыскания по зарплате и алиментам на имущество, заложенное в банке, требовать от взыскателей представления надписей судебных исполнителей на исполнительных листах, подтверждающих, что прочее имущество должника оказалось недостаточным для покрытия претензии по зарплате и алиментам. При обращении взыскания по содстраху и акциям на заложенное имущество удостоверение о недостаточности или отсутствии другого имущества должно быть представлено самим взыскателем (органом содстраха или НКФ).

При принятии в залог имущества, обремененного акцизным сбором, во время нахождения его в месте производства, на базисном складе или в таможене, надлежит предварительно перед оформлением залоговой операции требовать представления удостоверения финоргана об акцизе с имущества и суммы эти учитывать при определении ценности имущества. В устранении реализации товара распоряжением финоргана в указанном удостоверении финоргана должно быть указано, что продажа товара на покрытие акциза не будет назначена без ведома Госбанка.

Новое положение о РКК.

В последнее время в ВЦОПС поступают от многих профсоюзных организаций запросы относительно некоторых неясностей, связанных с вопросом о РКК. Официально, как известно, сейчас продолжает действовать положение о РКК, изданное еще в 1922 г. С другой стороны, имеется ряд постановлений президиума ВЦОПС, в некоторых моментах расходящихся со старым положением 1922 г. Наконец, и практика работы РКК за время после издания этого постановления и Кодекса законов о труде выявила ряд недостатков в действующих правилах. Некоторые из них устарели, как, например, о решении РКК по большинству голосов; по некоторым вопросам имеются пробелы: о порядке движения конфликтов, о вызове заинтересованных лиц, о форме решений РКК.

Сейчас ВЦОПС разработан проект нового положения НКТ о РКК, который в ближайшее время поступит на рассмотрение президиума ВЦОПС.

Организация РКК, по проекту, обязательна во всех тех предприятиях и учреждениях, где существует организация профсоюза; между тем, по ныне действующему положению организация РКК не обязательна. Сфера действия РКК всегда совпадает по новому положению со сферой действия соответствующей организации профсоюза. Далее новым проектом определено устанавливается право отзыва представителей из РКК в любой момент.

Новое положение содержит также подробные правила рассмотрения дел в РКК. Потребность в детализации этих правил давно уже ощущается на практике. Между прочим, по новому положению обязательны вызов заинтересованного работника в РКК для личных объяснений.

Правилами устанавливается порядок расчетов суммы претензий; это очень важно при выдаче исполнительных листов по решениям РКК. Проект предусматривает также установление процессуальных сроков для обжалования в порядке надзора. Наконец, новым положением отменяется обязательное возвращение дела в РКК в тех случаях, когда решение РКК отменено в порядке надзора.

Между прочим, в настоящее время в некоторых местах органы труда отказываются регистрировать колдоговоры, в ко-

торые включен пункт о применении постановлений о РКК, изданных ВЦСПС. Отказ этот мотивируется тем, что положение НКТ, изданное в 1922 г., еще не отменено, а новое положение еще не издано. По этому поводу НКТ РСФСР разъяснил местам, что хотя положение о РКК, изданное НКТ, остается действующим до сих пор, однако, в порядке коллоквиумов стороны могут устанавливать в договорах применение постановлений ВЦСПС о РКК.

Разъяснения по сельхозналогу.

Пунктом «б» § 30 инструкции от 6 июня 1925 г. предусмотрено раздельное обложение арендованных земель в хозяйстве трудящихся землепользователей, пользующихся для обработки своей и арендованной земли трудом членов своей семьи или наемным трудом поденных рабочих в количестве, не превышающем 50 рабочих дней в году. В данном случае для льготного (раздельного) обложения арендованных земель установлено определенное ограничение в части привлечения наемной силы.

Пунктом «в» § 30 инструкции предусмотрены случаи раздельного обложения хозяйства, пользующихся наемным трудом; ограничением для льготного обложения таких хозяйств уже является не количество наемных рабочих, а размер землеобеспеченности на едока на паделной земле.

Таким образом, пункты «б» и «в» § 30 инструкции являются совершенно самостоятельными и в прямой зависимости между собой не находятся.

Одновременно необходимо иметь в виду, что раздельное обложение арендованных земель, согласно п. «в» § 30 инструкции, предусматривает систему поощрения стремлений отдельных хозяйств к расширению посевов в многоземельных районах с небольшим процентом использования этих земель под обработку. Эта же система имела в виду необходимость облегчить регистрацию аренды и, следовательно, наблюдение за правильностью арендных сделок (раз. НКФ—1926 г. № 401110).

Разъяснения по гербовому сбору.

Наркомфином даны следующие разъяснения по гербовому сбору:

Согласно ст. 251 Гражд. Кодекса, поверенный совершает порученные ему действия за счет и от имени другой стороны (доверителя) и в качестве такового заменяет лицо доверителя. Поэтому, поскольку поверенный действует в пределах предоставленных ему полномочий, он пользуется всеми правами, которые имеет представляемое им лицо (доверитель). Отсюда следует, что если доверителем является учреждение или лицо, свободное от гербового сбора, то и поверенные их по действиям, законно совершаемым от имени или за счет доверителей, должны быть признаны свободными от гербового сбора. Это подтверждается и ст. 256 Гражд. Кодекса (п. «б»), которая обязывает доверителя возместить поверенному издержки, необходимые для исполнения поручения, следовательно, и гербовый сбор в этом случае обязан был бы уплатить не поверенный, а государственное учреждение или

иное лицо, свободное от гербового сбора, а это лишало бы их предоставленной законом льготы. Но если поверенный действует в качестве комиссионера, т.е. не от имени доверителя (комиттента), а от своего имени, хотя бы и за счет доверителя, то совершаемые им документы подлежат гербовому сбору на общем основании (раз. № 042317198/511—25 г.).

Документы, по существу своему подлежащие гербовому сбору, но освобожденные от последнего, как выданные по делам, от гербового сбора свободными (воинской повинности, народного образования и проч.), не могут быть использованы для представления по делам, от гербового сбора не свободным; для этого должны быть выбраны новые документы, которые, равно как и заявления об их выдаче, подлежат гербовому сбору на общем основании (раз. № 042317188/513—1925 г.).

Фактическое удержание неустойки по договору о неустойке есть, несомненно, исполнение этого договора, а потому взыскатель обязан при самом удержании оплатить договор о неустойке гербовым сбором (Устав о гербовом сборе, ст. 18 п. 3). То обстоятельство, что взыскатель удерживает неустойку без согласия контрагента и, повидимому, до возникновения на то права, и потому принужден бывает возвращать ее обратно, значения не имеет, и взыскатель, признавая такое удержание необходимым, должен нести и вытекающие отсюда последствия и, прежде всего, оплату сделки о неустойке гербовым сбором (раз. № 042315913—25 г.).

Постановление ЦИК и СНК от 20 июня 1923 г. в настоящее время не имеет значения для решения вопроса о гербовом сборе в виду издания закона от 16 января 1925 г. об изменении § 2 перечня изъятий («Изв. ЦИК» от 22/1—1924 г. № 18). В силу этого последнего закона от гербового сбора освобождаются лишь государственные предприятия, находящиеся на государственном, и некоторые категории коммунальных предприятий, особо поименованные в п. «б» § 2 перечня изъятий в новой редакции; освобождение же от промыслового налога или уплаты его для освобождения от гербового сбора значения не имеет. (Раз. НКФ № 042312125/509—25 г.).

Письменное поручение клиента о денежном переводе, принятое банком к исполнению, равносильно договору поручения (комиссии). То обстоятельство, что клиент в поручении не упоминает о комиссии, не имеет значения, так как, давши поручение, он обязан уплатить банку комиссию по установленной таксе (Гражд. Код. ст. 251) и фактически немедленно ее уплачивает. Поэтому практику банка по оплате им квитанций по переводам в 1% с суммы комиссионного вознаграждения, а не 0,1% следует признать правильной и не подлежащей изменению. (Раз. НКФ № 042314672/510—25 г.).

По автономным областям.

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД ДЕЯТЕЛЕЙ ЮСТИЦИИ НАРАЧАЕВО-ЧЕРНЕСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ.

В текущем году работники обл. суда, прокуратуры и местных судебно-следственных участков, собравшиеся в конце февраля на съезд в количестве 67 человек, смогли впервые подвести итог своей деятельности, выявить ее достижения и дефекты и, на основании данных трехлетнего опыта, наметить свои дальнейшие планы в деле укрепления революционной законности в области. Несмотря на неблагоприятные объективные условия, работоспособность нарсудов за истекшие годы сильно увеличилась. Если в 1923 г. в нарсудах ежемесячно оканчивалось 313 дел, то в 1924 г. замечается уже сильное повышение: заканчивается 542, а в 1925 г. 582 дела в месяц. В процентном отношении в среднем обжалованных решений пришлось 12%, а приговоров 23%. Средний же процент отмены решений нар. судов касс. подразделениями—16%, а приговоров—13%.

Работоспособность нарследов также прогрессировала: в 1923 г. ежемесячное количество оконченных следственных

дел—61, а в 1924 г. и 1925 г. число их увеличивается почти в три раза—165 дел в месяц. Улучшившееся в 1925 г. экономическое положение области дало возможность обл. суду оборудовать камеры нар. судов, установить их регулярное хозяйственное снабжение и поставить их деятельность в нормальные условия.

Съездом было отмечено, что достижения нар. судов в их судебной деятельности, выразившиеся, главным образом: 1) в правильности классового подхода при рассмотрении гражданских и уголовных дел, 2) в увеличении их пропускной способности и 3) в уменьшении количества обжалуемых и кассируемых решений, вызвали рост авторитета нарсудов среди широких трудящихся масс области.

Вместе с тем съездом были выражены пожелания: а) о доведении до максимальных размеров устройства выездных сессий нар. судов в селения и аулы в целях действительного приближения суда к беднейшим слоям населения, б) об усилении надзора за своевременным вручением милицией и сельсоветами повесток участвующим в деле лицам и в) об устройстве систематических занятий с нар. заседателями по

ознакомлению их с основными началами действующего материального и процессуального права в видах возможно большей популяризации идей революционной законности среди трудящихся масс.

Работа обл. суда в истекшем трехлетии протекала нормально. Надзор за судебнo-следственными участками был всесторонне осуществлен обл. судом путем их ежегодных ревизий. При обследовании участков ревизорами давались исчерпывающие указания по всем вопросам, касающимся не только юридической стороны, но и технической постановки всего делопроизводства. Материалы ревизии разрабатывались пиструкторско-ревизионным отделом, при чем обл. судом по замеченным неправильностям и упущениям издавались циркулярные распоряжения.

В целях систематического изучения действующего советского права работниками юстиции при обл. суде был создан юридический кружок с гражданской и уголовной секциями. На общих собраниях кружка делались доклады по правовым вопросам и обсуждались казуистические вопросы текущей практики.

Ударной задачей обл. суда в последнее время была борьба с бытовыми преступлениями и вовлечение веками оторванных от участия в политической жизни горняков и казаков в судебнo-общественную работу.

Перечисленные достижения облсуда были отмечены с'ездом в резолюции, признавшей его работу вполне удовлетворительной.

С большим вниманием был заслушан с'ездом интересный доклад прокурора области о работе прокуратуры. Докладчик рельефно отделил успехи, достигнутые прокуратурой как в сфере надзора за деятельностью всех учреждений области, так и в совместной работе ее с судебными органами, судебными и распорядительными заседаниями судов и в кассационных отделениях обл. суда.

Максимум энергии был проявлен прокуратурой в ее работе в деревне. В 1925 г. небольшому сравнительно штату ее удалось сделать на сельских сходах 404 доклада на различные темы политического и правового характера, как-то: о революционной законности, о роли и задачах прокуратуры, о международном положении, о семейно-имущественных разделах и т. п. Эта сторона деятельности прокуратуры дала ей возмож-

ность в короткое время сблизиться с массами, вызвать их доверие, укрепить начала революционной законности в глухих аумах и селах области и дать защиту бедноте от эксплуатирующих ее кулацких элементов.

В проводимой прокуратурой борьбе с преступностью также достигнуты положительные результаты, ликвидирован бандитизм и значительно уменьшено проявление других видов преступности. Менее успешен был надзор прокуратуры за деятельностью милиции и угрозыска. С'ездом были отмечены: медленность производства дознаний, незначительный процент раскрытых преступлений и хронические процессуальные недостатки, допускаемые сотрудниками при ведении дознаний. Дефекты эти вызывались: 1) недостаточностью содержания, получаемого сотрудниками органов дознания, влекущей уход наиболее способных сил из органов дознания в другие учреждения с лучшей оплатой труда, 2) слабостью квалификации личного штата и 3) отсутствием средств передвижения, тормозящим быстрое производство дознаний. Прокуратурой в настоящее время принимаются возможные меры к устранению данных недостатков и надлежащей организации органов дознания, являющихся одним из главных активов в борьбе с преступностью.

Юридическая помощь населению надлежаще организована только в центре области, в гор. Батаалпашинске и двух наиболее культурных округах. В нар. судах, обслуживающих 3 горских округа: Учкуланский, Хумаринский и Эльбурганский постоянных защитников пока не имеется. Отсутствие их способствует развитию подпольной адвокатуры. Попытки президиума коллегии защитников изжить аульных «аблакатов» путем командирования в эти округа членов коллегии пока не дали желаемых результатов, за отсутствием в коллегии защитников-туземцев или знакомых с местными языками. К русским же защитникам горцы, в массе не знающие русского языка, не обращались, обрекая их на вынужденное бездействие.

С'езд наметил план борьбы с подпольными адвокатами путем организации временной юридической помощи горскому населению из местных культурников, до привлечения в ряды защитников туземцев, способных работать в этой отрасли.

Котович.

Карацаевс-Черкесская авт. обл.
г. Батаалпашинск.

== НА МЕСТАХ. ==

КАК РАБОТАЛИ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ ПО КАШИНСКОМУ УЕЗДУ ТВЕРСКОЙ ГУБ. В 1925 Г.

Судебно-следственная сеть Кашинского у. Тверской губ. состоит из 4 участков нарсудов и столько же следователей, которые обслуживают 239.438 человек преимущественно крестьянского населения.

На 1 января 1926 г. нарсуды окончательно разгрузились, и если на 1 января 1925 г. в остатке уголовных дел было 867, а гражданских 639, то уже на 1 января 1926 г. остаток дел уменьшился: уголовных до 194 и гражданских до 246. Сопоставление работы с 1924 г. показывает, что поступление уголовных дел уменьшилось на 47,2%. Следовательно, нарсуды за прошлый год свою работу выполняли и добились движения в суде дела не более 1 и 1½ месяцев, и качество работы, несмотря на тенденцию разгрузки дел, не уменьшилось, а, наоборот, по сравнению с 1924 г. увеличилось.

По статистическим данным большинство преступлений относится к преступлениям против жизни, здоровья и достоинства личности (убийства, драки и оскорбления), какие совершаются обычно среди крестьянства в деревне, в особенности в праздники, при обилии самогона, который мало-помалу начинает пивизироваться; среди дел о преступлениях против порядка управления большинство составляют лесопорубки (11,4%), а в имущественных преступлениях — кражи (13,1%).

Как общее правило, карательная политика, проводимая судами, по сравнению с 1924 годом идет на снижение сроков, за исключением дел по растратам, которые в данное время

приняли хронический характер, по убийствам, кражам, по которым меры наказания даже повышались.

Из сопоставления цифр 1924 г. с 1925 годом видно, что в 1924 году было осуждено 4.039 чел. из них: крестьян — 93,3%, рабочих — 4,6%, прочих лиц — 1,9%, таким образом, в 1924 году было осуждено больше на 55,9%, так как в 1925 г. число осужденных уменьшилось: крестьян на 59,4%, рабочих на 26,6% и, наоборот, лиц прочих категорий увеличилось на 42,1%.

За истекший год нарсудами проведено 26 выездных сессий для разбора дел среди туземцев крестьянства, и все они достаточно проявили интерес массы к суду, а тем самым осуществили на деле лозунг «лицом к деревне». Показательных процессов проведено 12, на конх разбирались дела о растратах, убийствах и друг., все с участием сторон. Докладов, бесед, лекций и инсценировок по ознакомлению населения с советскими законами сделано 176. Интерес к этой работе громадный: помещения всегда были переполнены слушателями. Вся эта работа усилила авторитет суда, и теперь на суд население смотрит как на орган, водворяющий культуру и законность на местах, с одной стороны, и как на орган, ограждающий от преступного элемента, с другой. Вся работа судов ведется согласованно с местными партийными и советскими органами: последние, интересуясь работой судов и следователей, заслушали 8 отчетных докладов.

За истекший год бюро защитников оказало бесплатно юридическую помощь 3.374 чел. Выслушений на суде было 169, докладов по ознакомлению населения с законами проведено 30.

г. Кашин.

Нарсудья Баранов.

== БИБЛИОГРАФИЯ. ==

В. В. СОКОЛОВ. — Права женщины по советским законам. С предисловием и под редакцией И. А. РОСТОВСКОГО. Юрид. Изд. НКЮ РСФСР. Москва, 1926 года. Изд. 2, переработанное и дополненное. Стр. 109. Цена 80 коп.

Книга В. В. Соколова охватывает положительно все стороны нашего права, в которых так или иначе отражается правовое положение женщины при новом советском строе. С одной стороны, в ней нет сухости и схематичности монографии, задевающей и исследующей до конца какую-нибудь одну правовую проблему из всего законодательства о женщинах, с другой стороны, она не страдает свойственной большинству популярных изданий по женскому вопросу неполнотой материала и его вульгаризацией. Автор совершенно прав, охарактеризовав второе издание своей книги, как подробный справочник. Он действительно собрал и систематически изложил действующий в настоящее время законодательный, инструктивный и циркулярный материал буквально всех ведомств, имеющий хоть какое-нибудь отношение к женскому праву.

Однако, это справочник совершенно особого характера. Благодаря популярности изложения книжка В. В. Соколова представляет небольшую «энциклопедию» по вопросам женского права, вполне доступную и вполне достаточную для начинающего читателя, который найдет в ней все необходимые основные положения по затронутому вопросу. С другой стороны, она является «конспектом» для читателя, знакомого с вопросом, и может служить прекрасным подспорьем для восстановления в своей памяти и для схематизирования почерпнутого из более фундаментальных источников материала.

Во многих случаях мы наталкиваемся на хорошо разработанные цифровые таблицы, параллельно с которыми идут для менее подготовленного читателя графически исполненные диаграммы. Особенно много внимания уделено главам о работе женщины в суде, об охране женского труда, о борьбе с проституцией, об организации и формах этой борьбы и, наконец, о действующем и проектируемом праве женщины, как матери и жены.

Если ко всему сказанному добавить, что книжка издана на хорошей бумаге и четко напечатана, то ее можно вполне рекомендовать каждому читателю, особенно докладчикам, для которых она может оказаться очень ценным вспомогательным материалом для переработки своей темы.

С. Тагер.

Т. П. ЕФИМЕНКО. — «Труд и собственность» — Критический обзор учения о спецификации. — Стр. 104, ц. 70 к. — Юрид. Изд. НКЮ УССР.

«Трудно проявить достаточно остроумия в деле, которое заранее обречено на неудачу», — говорит Т. П. Ефименко на странице 89 своей книжки. И эта совершенно правильная точка зрения (высказанная им по поводу старания германской юридической теории обосновать на трудовом принципе право собственности нетрудящегося на то, что является продуктом труда другого) нашла, к сожалению, должное оправдание в работе самого Т. П. Ефименко.

Автор, как видно из заглавия, ставит себе целью дать критический обзор учения о спецификации. Самое учение о спецификации в современном государстве с его развитым индустриальным производством не представляет особого интереса. Спецификацией называется переработка сырого материала или выделанных вещей в новые формы, придающие продуктам этой переработки значение новых и самостоятельных вещей (*nova species*). Очевидно, что такой переработке вещи и материалы ежедневно подвергаются как со стороны их собственников, так и со стороны всех посторонних лиц, не имеющих права собственности на данные вещи или материалы, при чем в последнем случае обычно по добровольному соглашению между собственником и этим посторонним лицом.

Юридический вопрос о распределении прав на вновь созданную вещь возникает лишь в том случае, когда спецификант для производства новой вещи пользуется чужим материалом, когда он прилагает свой труд к чужой собственности, не вступив при этом с собственником вещи ни в какие договорные отношения. Тогда возникает спорный вопрос, кому принадлежит новая вещь, собственнику материала или предшественнику труда?

Этот спорный вопрос в такой именно специальной области вызвал в юридической науке большие разногласия.

Надо заметить, что в отношении довольно подробного и

интересного изложения в историческом аспекте учения о спецификации труд Т. П. Ефименко представляет большой интерес.

Но вся беда в том, что поставив перед собой проблему спецификации в весьма широких рамках, автор смешал в одну кучу все случаи переработки спецификации чужого материала. Такая переработка возможна в случаях: а) когда спецификант путем недобросовестным (или преступным) овладел чужим материалом для переработки; б) когда переработка чужого материала произошла при безусловной добросовестности спецификанта; в) когда спецификант производит переработку чужого материала по заключенному с ним договору.

Внимание юриста, исследующего вопрос о спецификации, не может быть остановлено ни на первом, ни на третьем случае, ибо в первом случае имеет место либо гражданское, либо в большинстве случаев уголовное правонарушение, поэтому о праве собственности спецификанта говорить не приходится; в третьем же случае отношения сторон по поводу собственности регулируются имеющимся между ними договором. Применение во всех этих случаях правил спецификации, установленных лишь для случаев второго рода, приводит автора к проблемам, ничего общего со спецификацией не имеющим.

Конечно, проблема соотношения труда и собственности представляет весьма большой интерес, и скорее для экономиста, чем для юриста, тем более, когда последний ставит перед собой столь узко специальную даже для юриста задачу, как критическое исследование учения о спецификации. Но отсюда отнюдь не следует, что юрист, оперируя теоретико-экономическим материалом в своих исследованиях, может подменить юридическое исследование экономической теорией в такой области, где уже давно экономисты сказали свое веское слово. Автору рецензируемой брошюры совершенно нетрудно было юридическую проблему спецификации путем весьма «распространительного толкования» превратить в проблему о взаимоотношениях труда и собственности и незаметно пошаст в тупик в вопросе о том, каким образом буржуазное законодательство, столь благосклонно относящееся к спецификанту вообще, не признает за спецификантом-работником права собственности на производимые им фабрично-заводские изделия.

Поистине, возмутительно. И Т. П. Ефименко возмущается: «Считать такую политику благоразумной и тем более отвечающей достоинству юриста, как объективного и беспристрастного мыслителя, для которого юриспруденция имеет самодовлеющую ценность (курсив мой—В. Т.), по меньшей мере сомнительно». (стр. 98).

И вот этот мыслитель самодовлеющей юриспруденции решает исправить «трещину» в монументальном здании западно-европейской цивилистики и советует законодателям быть откровенным и сказать: 1) «Труд является основанием права собственности на произведенные вещи». 2) «Вещи, изготовляемые на предприятиях фабрично-заводского типа, принадлежат владельцам этих предприятий» (курсив автора, та же стр.).

Не говоря уже о том, какой вновь открытой Америкой является такое умозаключение, как содержимое в п. 2 изречение, надо обратить внимание на абсолютно неправомерное положение автора, проходящее красной нитью по всей брошюре, о том, что труд является основанием права собственности.

Здесь достаточно только напомнить мнение Энгельса по этому поводу, чтобы показать всю ложность исходной точки Т. П. Ефименко в его книжке. Говоря о праве собственности в эпоху первобытного коммунизма, Энгельс («Происхождение семьи...», стр. 105) утверждает: «Здесь, таким образом, и притом только еще здесь, существует придуманная юристами и экономистами цивилизованного общества собственность, добытая собственным трудом, последнее измышленное правовое основание, на которое еще опирается современная капиталистическая собственность».

И думаемся нам, что если «беспристрастным исследователям самодовлеющей юриспруденции» суждено еще существовать, то не мешало бы им заниматься только узкоспециальными проблемами своей области, ибо при разрешении ими социально-экономических проблем с точки зрения этой юриспруденции у них получается один только неприятный конфуз.

В. Тадевосян.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

— СО Д Е Р Ж А Н И Е: —

Циркуляры НКЮ: №№ 62, 67.—Циркуляр Верховного Суда РСФСР № 3.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 62.

Всем краевым, обл. и губ. судам.

О систематическом ознакомлении с делами, разрешенными нарсудами.

Данные о числе приговоров и решений народных судов, обжалованных в кассационные инстанции, указывают, что краевые, областные и губерnsкие суды имеют возможность ознакомиться с крайне незначительным числом производств по делам нарсудов.

Ознакомление с производствами по делам нарсудов при ревизиях, производимых отдельными ревизорами, и притом одновременно с ознакомлением со всей постановкой работы ревизируемого нарсуда, также недостаточно и дает мало материала для того, чтобы выяснить все недочеты в судебной деятельности нарсудов соответствующей губернии или области.

Необходимо, чтобы краевые, областные и губерnsкие суды приступили к систематическому изучению приговоров и решений подведомственных им нарсудов.

В этих целях надлежит установить плановое истребование законченных уголовных и гражданских дел из народных судов.

Истребование дел в количестве, определяемом губсудами (облсудами и крайсудами), должно производиться по отдельным уездам (округам, районам), в порядке поступления дел в нарсуды. Для того, чтобы этим не было нарушено правильное движение дел нарсудов, необходимо, чтобы истребовались дела, поступившие за более или менее отдаленный срок от момента истребования (напр., 1 год). Кроме того, те из подлежащих высылке дел, которые окажутся еще незаконченными, должны оставаться в нарсуде, но последний обязан точно указывать в этих случаях, почему именно то или иное дело не выслано и в каком оно находится положении.

Поступившие в губсуд в указанном порядке производства нарсуда должны быть подвергнуты тщательному изучению отдельными членами губсуда или заласными судьями, и результаты этого изучения обработаны (через ИРО) и доложены на заседании пленума.

Необходимо при этом обратить особое внимание, что указанное ознакомление с производствами народных судов имеет своей задачей выявление и устранение недостатков в работе народного суда в целом и общее улучшение его деятельности. Это, конечно, не исключает возможности в тех случаях, когда в каком-либо решении или приговоре будут обнаружены такие неправильности, наличие которых безусловно требует отмены этого решения или приговора, чтобы об этом было доведено до сведения лиц, имеющих право возбудить производство в порядке надзора.

Пленумы губерnsких судов, заслушав доклады о результатах изучения истребованных в указанном порядке производств по делам нарсудов, должны не только принимать общие меры к устранению всех обнаруженных недостатков в судебной работе нарсудов и к улучшению этой работы, но и давать отдельные указания тому или иному нарсуду в тех случаях, когда какая-либо неправильность проявилась в деятельности только этого нарсуда.

Народный Комиссар Юстиции Курский.
Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

7 апреля 1926 г.

Циркуляр № 67.

Краевым, обл. и губ. прокурорам.

КОПИЯ ПРОКУРОРАМ АВТ. РЕСПУБЛИК.

Об участии прокуратуры в работе комиссии исполкомов по предварительной проверке списков муниципализированных строений в сельских местностях.

10 апреля т. г. Совет Народных Комиссаров принял постановление об установлении предельных сроков по проведению муниципализации в сельских местностях, при чем для составления списков подлежащих муниципализации строений назначено 1 мая, а для утверждения их 1 июля т. г. Указанные сроки, если учесть проведенную повсюду подготовительную работу, являются вполне достаточными не только для своевременного окончания муниципализации, но и для предварительной тщательной проверки представляемых на утверждение исполкомов списков.

Поэтому в целях надлежащего урегулирования данного вопроса и во исполнение названного постановления СНК Прокуратура Республики предлагает:

1. Принять ближайшее участие в работе комиссий исполкомов по предварительной проверке списков (не вводя отсюда представителя прокурорского надзора в состав комиссий) с точки зрения строгого соответствия признаков, приводимых в обоснование включения в список отдельных строений, требованиям постановления ВЦИК и СНК от 1 декабря 1924 г. и циркуляра НКВД, НКЮ и НКЗ от 29 января 1925 г. № 49.

2. В частности, при представлении к муниципализации по признаку занятия строения государственными и муниципальными к ним учреждениями и организациями (п. «б» ст. 1-й постановления от 1/XII—24 г.) обращать внимание на то, какой характер носило это занятие, и принимать меры к недопущению утверждения муниципализации тех строений, кои занимались лишь частично, без действительного отстранения владельцев строений от фактического распоряжения ими (напр., допущение производства владельцами ремонта и постройки собственными средствами, внесения налогов и т. д.), при представлении к муниципализации по тому же признаку решительно возражать против утверждения муниципализации тех строений, которые хотя и были фактически изъяты до 22/V—22 г., но после этого были возвращены владельцам и к 1/XII—24 года находились в их пользовании и распоряжении.

3. Опротестовывать в порядке п. «б» ст. 37 положения о судостроительстве все без исключения постановления об утверждении муниципализации, каковые будут вынесены после 1 июля или по спискам, представленным на утверждение после 1 мая, делая это, однако, не в отношении отдельных строений, а сводя в одном протесте все случаи утверждений с нарушением указанных сроков.

4. Решительно бороться с наблюдающимися на практике случаями административных выселений бывших владельцев из муниципализированных, но не закрепленных за учреждениями строений, вплоть до возбуждения уголовного преследования против допускающих выселения должностных лиц, так как муниципализация строений сама по себе не дает основания для административного выселения.

5. Принять меры к предупреждению населения о том, чтобы все жалобы на муниципализацию приносились в местную (краевую, областную или губерnsкую) прокуратуру, так как Прокуратура Республики по жалобам, не бывшим на рассмотрении местной прокуратуры, никаких решений выносить не будет.

Зам. Наркома Юстиции и Ст. Помпрокурора Республики
Крыленко.

16 апреля 1926 г.

ЦИРКУЛЯР

Верховного Суда РСФСР № 3.

Всем краев., обл. и губ. судам.

Раз'яснение ст. 16 и прим. к ст. 46 ГПК.

Как видно из дел, поступающих в ГПК Верховного Суда, ст. 16 ГПК о представителях недостаточно ясно усваивается судами по гражданским делам. По ст. 16 ГПК на первом месте в качестве представителей сторон названы лица, входящие в особые коллегии защитников, для которых законом установлен известный надзор и контроль—дисциплинарная ответственность, и на которых возлагаются и известные обязанности. На втором месте называются уполномоченные профсоюзов по делам их членов в порядке ст. 151 и сл. Код. зак. о труде. Относительно этих двух категорий представителей обыкновенно никаких сомнений в судах не возникает.

Но весьма часто по делам выступают лица, называющиеся юрисконсультами разных учреждений, предприятий, обществ, товариществ и даже частных лиц, у которых никакой другой квалификации для представительства нет, как только та, что они сами себя или что доверители их называют юрисконсультами, при чем часто наблюдаются случаи, что в качестве юрисконсульты выступают на суде лица, по той или иной причине не принятые или не желавшие выступить в члены коллегии защитников, так что их выступление на суде является в известной мере прямым обходом закона в целях ускользнуть от профессионального контроля, от особой дисциплинарной ответственности и от вытекающих из принадлежности к коллегии обязанностей. II. «в» ст. 16 имеет в виду ограниченное количество лиц, состоящих руководителями и постоянными сотрудниками коллективов, конечно, лишь согласно штатов учреждений или уставов обществ и товариществ, чтобы не лишнить эти коллективы их, так сказать, естественных представителей, наиболее близко знакомых с делом.

Наконец, суд по каждому конкретному делу может допустить и любое лицо, если нет препятствий, указанных в ст. 20 ГПК, но только по данному делу и по особой к данному делу доверенности, так как иное толкование этой статьи явилось бы прямым обходом ст. 17 и 18 ГПК и нарушением государственного интереса, а между тем, мы встречаем дела, по которым уполномочие заключается в принципе к концу искового заявления: «заявление подать и дело вести доверит такому-то лицу», даже без засвидетельствования установленным порядком.

Наш ГПК не имел в виду создать монополию представительства для членов коллегии защитников, и практика наших судов ограничивается минимальным количеством формальностей при допущении защитников, по требованиям ст. 16—20 ГПК все же является тем минимумом, который необходимо соблюдать.

Одновременно пленум Верховного Суда находит, что наши суды, в том числе и ГПК, допускали неправильное истолкование примечания к ст. 46 ГПК о возмещении вознаграждения делу вознаграждение его представителя. По п.л. «а» и «б» ст. 16 ГПК тут сомнений не возникает. II. «г» ст. 16 ГПК предусматривает добровольных защитников, выступающих по общественному или личному интересу и не ожидающих и не имеющих права ждать особого денежного вознаграждения, а руководители и служащие получают вознаграждение от своих учреждений, и образовать за счет прим. к ст. 46 ГПК особые коллегии юрисконсульты, не ограничиваясь бы прямым обходом закона о коллегиях защитников (ст. 39—44 код. о суд.), регулирующего вопрос о платной защите. Поэтому возмещение коллективам их расходов на судебного представителя должно относиться лишь к тем случаям, когда согласно п. 3 прим. к ст. 40 положения о судостроительстве юрисконсульт по совместительству является одновременно и членом коллегии защитников.

Председатель Верховного Суда РСФСР П. Стучка.
16 апреля 1926 г.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ РСФСР

МОСКВА, Кузнецкий Мост, 7. Тел. 3-18-42.

Отделения: Ленинград, Просп. Володарского, 44. Свердловск, ул. Малышева, 56.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

	Цена
Крыленко и Яхонтов—Статьи о революционной законности	— р. 40 к.
Крыленко—Проект Кодекса законов о браке и семье (Доклад в Отделе Работниц ЦК ВКП (б)).	— » 15 »
Бранденбургский—Брак и его правовые последствия	— » 15 »
Сборник статей и матер. по брачному и семейному праву под редакцией Народного Комиссара Юстиции Д. И. Курского	1 » 20 »
Вольфсон—Учебник гражданского права, ч. I-я, издан. 2-е с предисл. Я. Н. Бранденбургского. ч. 2-я	1 » 25 »
Егорьев, Лашкевич, Плоткин и Розенблюм—Правовое положение иностранцев в СССР	1 » 25 »
Соколов—Права женщины по советским законам, изд. 2-е, под редакцией И. А. Ростовского	5 » — »
Бавин—Сделки со строениями	— » 80 »
Громов—Дознание и предварительное следствие	1 » 50 »
Раевич—Советские законы о праве на жилище	2 » — »
Русаков—Что нужно знать по гербовому сбору промышленному предприятию	— » 25 »
Вольфсон и Сегал—В помощь народному заседателю	— » 15 »
Барсегянц—Местные налоги и сборы	— » 35 »
Сборник определений Уг. Касс. Коллегии Верховного Суда РСФСР за 2-ю половину 1925 года	3 » — »
Соколов—Систематический указатель юридической литературы	2 » — »
	2 » 25 »

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Егорьев, Лашкевич, Плоткин и Розенблюм—Правовое положение граждан и юридических лиц СССР за границы.
Гидулянов—Отделение церкви от государства, 3-е изд.
Варшавский—Право застройки в СССР.
Евтихийев—Законодательство о городских землях.
Кожевников—Как Советская власть борется с хулиганством.
Трунев—Руководство по нотариату.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор { Н. Крыленко.
Редакционная Коллегия { Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.